Украинская библиотека

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ

МАРТЪ, 1899

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1899 г.

стр

I. Владимірскіе Мономахи. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть первая. XV—XIX. (Продолженіе). **Графа Е. А. Саліаса** 77

II. Записки **графини В. Н. Головиной** (1766—1870). VI—VIII. (Продолженіе) 80

III. Заштатный геній. **И. Н. Потапенко** 82

IV. Бабушка графиня М. Г. Разумовская. (Страничка изъ воспоминаній). **М. Г. Назимовой** 84

V. Честолюбіе погубило. **Евгенія Альбовскаго** 85

VI. Русскій народъ въ своихъ воззрѣніяхъ на себя и на свое прошлое. **В. О. Михневича** 86

VII. Черты изъ жизни И. С. Тургенева. **Б. Батуринскаго** 88

VIII. Жиржинскій бой 1863 года. **П. Естифѣева** 90

Иллюстраціи: 1) Варшавско-Люблинское шоссе и дефиле Жиржинскаго лѣса.— 2) Жиржинскій памятникъ.

IX. Козельская Оптина пустынь. **А. Н. Фирсова** 91

Иллюстраціи: 1) Козельская Оптина пустынь. — 2) Старецъ іеросхимонахъ Амвросій. — 3) Флигель, въ которомъ жилъ въ скиту старецъ о. Амвросій.— 4) Памятники надъ могилами старцевъ о. Макарія (слѣва) и о. Амвросія (справа).

X. Къ біографіи П. С. Мочалова. **Е. П. Шумиловой-Мочаловой** . . . 93

XI. Памяти П. М. Третьякова. **П. Н. Полевого** 94

XII. Ученое фразерство. **А. К. Бороздина** 95

XIII. Памяти М. И. Пыляева. **А. А. Плещеева** 96

XIV. Бисмаркъ въ своихъ и чужихъ воспоминаніяхъ. **I. В. Т.** 97

XV. Очерки американской дѣйствительности. **Е. Правдина** 99

XVI. Критика и библіографія. 102

1) Музыкальные фельетоны и замѣтки Петра Ильича Чайковскаго (1868—1876 гг.), съ приложеніемъ портрета, автобіографическаго описанія путешествія за границу въ 1888 г. и предисловія Г. А. Лароша. Москва. 1898. **Г. Т.**— 2) Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго. Томъ I. Спб. 1899. **Д. Е.** — 3) С. И. Уманецъ. Воспоминанія о князѣ С. В. Шаховскомъ и балтійскіе очерки. Спб. 1899. **Г.**—4) В. Н. Латкинъ. Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи (XVIII и XIX ст.). Спб. 1899. **Б. В. Н.**— 5) Русскія лѣтописи. I—III. 1) Лѣтописецъ патр. Никифора.—2) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго.—3) Хроника русская (Лѣтописецъ вкратцѣ) проф. И. Даниловича. Съ предисловіемъ Сергѣя Бѣлокурова. М. 1898. **В. Р—ва.** — 6) Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. III. Софія. 1898. **Σ.**—7) Д. И. Сапожниковъ. Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина. Москва. 1899. **М. С.**—8) Архимандритъ Макарій (Глухаревъ), основатель Алтайской миссіи П. В. Птохова. Москва. 1899. **К. Х.** — 9) Отчетъ Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края за 1896 годъ, съ приложеніемъ рефератовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ общества. Астрахань. 1898. **В. Р—ва.**— 10) «Дѣло». Сборникъ литературно-научный, изданный московскимъ отдѣломъ общества для усиленія средствъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института. Москва. 1899. **Щ.** — 11) И. А. Шляпкинъ. Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени. (Памятники древней письменности. CXXVIII). Спб. 1898. **Пещ—ва.**— 12) Ламаизмъ въ Тибетѣ, его исторія, ученіе и учрежденія. Опытъ историко-миссіонерскаго изслѣдо-

См. слѣд. стр.

СОДЕРЖАНІЕ СЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ 1899 года).

стр.

Владимірскіе Мономахи. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть первая. **Графа Е. А. Саліаса** 7, 377, 777

Записки **графини В. Н. Головиной** (1766—1817). I—VIII . . 39, 400, 801

Пытливый умъ. **И. Н. Потапенко**. 77

Замѣчательныя русскія женщины. Марья Савишна Перекусихина. **Вл. О. Михневича**. 96

Сумерки. (Очеркъ изъ нравовъ 70-хъ годовъ). **М. Е. Ермолиной**. . . . 118

Сенаторъ Синельниковъ и императоръ Александръ II. **П. П. Суворова**. . 137

Памяти Я. П. Полонскаго. **С. И. Уманца**. 147

Иллюстрація: факсимиле Я. П. Полонскаго.

Воспоминанія объ И. Ѳ. Горбуновѣ. **В. А. Тихонова**. 167

Иллюстрація: Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ.

По пути Суворова въ Швейцаріи. **М. Б. Стремоухова**. 187

Иллюстраціи: 1) Схема похода Суворова въ Швейцаріи 1799 г.—2) Памятникъ сподвижникамъ Суворова у Чортова моста, открытый 14-го сентября 1898 года.—3) Долина р. Тичино. Селеніе Таверно.—4) Долина р. Тичино. Хижина, пріютившаяся подъ каменной глыбой.—5) Долина р. Тичино. Горный потокъ въ Біаско.—6) Долина р. Тичино. Белинцона. Castello Grande.—7) Долина р. Тичино. Деревня Айроло, гдѣ начинается подъемъ на С.-Готардъ.—8) Подъемъ на С.-Готардъ. Бронированная пушка-митральеза, поставленная около шоссе. — 9) Подъемъ на С.-Готардъ. Рѣка Соречіа. — 10) Подъемъ на С.-Готардъ. Общій видъ перевала на половинѣ подъема.—11) С.-Готардъ. Развалины часовни на русской могилѣ.—12) Камень на С.-Готардѣ, съ остатками надписи. — 13) Госпись на С.-Готардѣ (бывшій странноприимный домъ). — 14) С.-Готардъ. Общій видъ на перевалъ. — 15) С.-Готардъ. Высшая точка перевала (2114 метровъ).—16) Долина рѣки Рейса. Госпенталь. — 17) Долина р. Рейса. Андерматъ (Урзернъ). — 18) Долина р. Рейса. Урнерская долина (Urnerloch).—19) Видъ на Чортовъ мостъ, Урнерскую дыру и памятникъ Суворову (нижняго моста нынѣ не существуетъ).—20) Долина р. Рейса. Старый мостъ на рѣкѣ.—21) Люцернское озеро. Вядъ на озеро съ юга.—22) Хребетъ Роштокъ у Люцернскаго озера.—23) Село Бюрглен въ Шехенской долинѣ.—24) Мутенская долина. Видъ на тропинку черезъ Роштокъ, по которой прошла армія Суворова.—25) Мутенская долина. Женскій монастырь, гдѣ была главная квартира Суворова.—26) Мутенская долина. Комната въ монастырѣ, которую занималъ Суворовъ, и гдѣ происходилъ военный совѣтъ.—27) Мутенская долина и видъ на перевалъ Прагель.—28) Мутенская долина. Мостъ Суворова (видъ спереди).

Палестина и тяготѣніе къ ней разныхъ народовъ. **Б. Б. Глинскаго**. . . 231

Салютисты въ Германіи. **Ник. А. Дингельштедта**. 272

Графиня Софія Потоцкая. **С. А. Адріанова**. 426

Варшава въ 1861 году. (Изъ записокъ очевидца). **Н. Д. Горемыкина**. . 440

Какъ я ходилъ въ народъ. (Посвящается памяти Н. В. Новикова и О. Е. Сухановой). **Н. О. Осипова**. 457

Кто и когда выдумалъ Россію? **В. О. Михневича**. 499

Къ біографіи А. П. Щапова. **П. В. Знаменскаго**. 511

Къ исторіи сербско-турецкой войны 1876 года. **Н. Н. Дурново**. . . . 531

Въ дореформенной Сибири. (Изъ дневника мѣстнаго старожила). **Н. Ф. Борисовскаго**. 538

По поморью. (Путевыя замѣтки). **А. Г. Слезскинскапо**. 564

Иллюстраціи: 1) Перегрузка мурманской трески въ Архангельскѣ. — 2) Типы рыбаковъ-поморовъ.—3) Городъ Кемь.—4) Деревня Княжегубье.—5) Село Кандалакша.—6) Ловля семги заборомъ.

Тридцатипятилѣтіе литературной дѣятельности графа Е. А. Саліаса. **А. К. Бороздина**. 608

Иллюстрація: Графъ Евгеній Андреевичъ Саліасъ.

Энциклопедія русской жизни. **Б. Б. Глинскаго**. 617

Новыя школы въ Англіи. **И. Н. З.** 643

стр.
Первый конгрессъ по русской дипломатіи. **В. Т.** 652
Очерки американской дѣйствительности. I—II. **Е. Правдина.** . . 656, 994
Михаилъ Сергѣевичъ Корелинъ. (Некрологъ). **П. К—аго.** 679
Заштатный геній **И. Н. Потапенко.** 829
Бабушка графиня М. Г. Разумовская. (Страничка изъ воспоминаній). **М. Г. Назимовой.** 841
Честолюбіе погубило. **Евгенія Альбовскаго.** 855
Русскій народъ въ своихъ воззрѣніяхъ на себя и на свое прошлое. **В. О. Михневича.** 866
Черты изъ жизни И. С. Тургенева. **Б. Батуринскаго.** 887
Жиржинскій бой 1863 года. **П. Естифѣева.** 901
Иллюстраціи: 1) Варшавско-Люблинское шоссе и дефиле Жиржинскаго лѣса.—2) Жиржинскій памятникъ.
Козельская Оптина пустынь. **А. Н. Фирсова.** 914
Иллюстраціи: 1) Козельская Оптина пустынь.—2) Старецъ іеросхимонахъ Амвросій.—3) Флигель, въ которомъ жилъ въ скиту старецъ о. Амвросій.—4) Памятники надъ могилами старцевъ о. Макарія (слѣва) и о. Амвросія (справа).
Къ біографіи П. С. Мочалова. **Е. П. Шумиловой-Мочаловой.** 934
Памяти П. М. Третьякова. **П. Н. Полевого.** 945
Ученое фразерство. **А. К. Бороздина.** 951
Памяти М. И. Пыляева. (Некрологъ). **А. А. Плещеева.** 966
Бисмаркъ въ своихъ и чужихъ воспоминаніяхъ. I. **В. Т.** 976
КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ 301, 683, 1024
1) С. Бѣлокуровъ. О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. Москва. 1899. **А. Л—на.**—2) М. Ѳ. Суперанскій. Симбирскъ и его прошлое. (1648—1898 гг.). Историческій очеркъ. Изданіе симбирской губернской ученой архивной комиссіи. Симбирскъ. 1898. **И. И.**—3) Г. А. Эзовъ. Сношенія Петра Великаго съ армянскимъ народомъ. Документы, извлеченные изъ Московскаго главнаго и С.-Петербургскаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, австрійскаго придворнаго и государственнаго архива, королевско-баварскаго тайнаго государственнаго архива и другихъ учрежденій. Спб. 1898. **В. Р—ва.** — 4) Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Виды архива и снимки хранящихся въ немъ документовъ, рукописей и печатей. Съ 23 фототипическими таблицами. М. 1898. **С. Ш.** — 5) Фельдмаршалъ графъ Б. П. Шереметевъ. Военно-походный журналъ 1711 и 1712 гг. Изданіе военно-ученаго комитета главнаго штаба. Подъ редакціей полковника А. З. Мышлаевскаго. Спб. 1898.—Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ. Выпускъ XII. Война съ Турціей 1711 г. (Прутская операція). Генеральнаго штаба полковникъ А. З. Мышлаевскій, экстра-ординарный профессоръ Николаевской академіи генерельнаго штаба. Спб. 1898. **В. Б.** — 6) Вл. Череванскій. Двѣ волны. Историческая хроника. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1898. **Б. М.**—7) Ѳ. Шеляговскій. Паденіе Константинополя. Историческій очеркъ. Спб. 1898. Σ. — 8) Вѣстникъ археологіи и исторіи, издаваемый археологическимъ институтомъ. Выпускъ X. Спб. 1898. — 9) Т. Рибо. Философія Шопенгауера. Переводъ съ пятаго французскаго изданія М. Суперанскаго. Спб. 1898. **И. И.**—10) «Міръ искусства». Художественный журналъ. Изданіе кн. М. Тенишевой и С. Мамонтова. № 1 и 2. Москва. 1898. **Г. Эрастова.**—11) Kraushar Alexander. Bourboni na wygnaniu w Mitawie i Warszawie. Szkic historyczny (1798—1805). Съ иллюстраціями. Варшава. 1899. **Г. А. Воробьева.**— 12) Portraits et tableaux appartenant aux Archives principales de Moscou du ministere des affaires etrangeres. Avec 18 planches phototypiques. Moscou. 1898. **С. Ш.** — 13) Труды Черниговской губернской архивной комиссіи. 1897—1898 г. Выпускъ первый. Черниговъ. 1898. **В. Рудакова.**—14) Сельская школа. Сборникѣ статей С. А. Рачинскаго. Изданіе третье, дополненное. Спб. 1898. **И. Н. З.**—15) Малый энциклопедическій словарь. Съ приложеніемъ краткихъ руководствъ по различнымъ отраслямъ знанія и словарей иностранныхъ языковъ. Выпускъ первый. А—Аѳонъ. Изданіе Брокгауза и Эфрона. Спб. 1898. **С. Ш.** — 16) М. Н. Ремезовъ. Византія и византійцы конца X-го вѣка. По Г. Шлюмберже. Москва. 1898. Σ.—17) Жанъ Ревилль. Религія въ Римѣ при Северахъ. Москва. 1898. **К.**—18) Ришельевскій лицей и императорскій Новороссійскій университетъ. Сборникъ, издаваемый бывшими воспитанниками лицея и университета. Часть I. Одесса. 1898. **В. Р—ва.**—19) С. П. Писаревъ. Памятная книга г. Смоленска. Историко-современный очеркъ, указатель и путеводитель. Смоленскъ. 1898. **В. Р—ва.**—

905
ISV
V.20
no.3

20) Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Выпускъ четвертый: Славяно-русскій прологъ. Часть вторая. Январь-апрѣль. Изданіе подъ редакціей профессора А. И. Пономарева. Спб. 1898. С.—21) В. Ляскоронскій. Иностранные карты и атласы XVI и XVII вѣковъ, относящіеся къ Южной Россіи. Кіевъ. 1898. Пещ—а. — 22) Царскія охоты на Руси царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича. XVII вѣкъ. Историческій очеркъ Николая Кутепова. Спб. 1898. П. Полевого.—23) П. Сергѣенко. Какъ живетъ и работаетъ графъ Л. Н. Толстой. М. 1898. Г. Л. И.—24) Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго г. Муркоса. По рукописи Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ четвертый. Москва. 1898. С.—25) Фаустъ,— трагедія Гете. Переводъ А. Фета съ рисунками Э. Зейбертца. Изданіе А. Ф. Маркса. Иллюстрированная библіотека «Нивы». Спб. 1899. В. К.—26) П. И. Ковалевскій. Вырожденіе и возрожденіе. Геній и сумасшествіе. Соціально-біологическіе очерки. Изданіе «Русскаго Медицинскаго Вѣстника». Спб. 1899. И. Гофштеттера. — 27) Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Историческое изслѣдованіе В. И. Семевскаго. Т. I. Отъ начала золотопромышленности въ Сибири до 1870 года. Т. II. Положеніе рабочихъ послѣ 1870 года. Изданіе И. М. Сибирякова. Спб. 1898. Б. Б. Глинскаго.—28) А. П. Новицкій. Исторія русскаго искусства. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». Вып. I. Москва. 1898. Г. П. А. — 29) Г. Я. Кипріаноничъ. Историческій очеркъ православія, католичества и уніи въ Бѣлоруссіи и Литвѣ съ древнѣйшаго до настоящаго времени. Второе значительно дополненное изданіе. Вильна. 1899. И. Любарскаго,—30) А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ. Пугачевщина въ Сибири. Москва. 1899. А. Фаресова.—31) Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Редакція Петра Вейнберга. Т. 1—3. Спб. 1898. Б. Г. — 32) Семидесятипятилѣтіе гимназіи императорскаго человѣколюбиваго общества. 1829—1895 г. Спб. 1898. Вл. Боцяновскаго.—33) Древнерусская картографія. Выпускъ I. Планы г. Москвы XVII вѣка. Изданіе комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. М, 1898. Б. Р—ва. — 34) А. Метенъ. Соціализмъ въ Англіи. Спб. 1898. К.—35) Г. Лансонъ. Исторія французской литературы XVII в. Переводъ З. Венгеровой.—XVIII вѣкъ. Переводъ П. О. Морозова.—XIX вѣкъ. Переводъ П. О. Морозова. Спб. 1899. Гюставъ Лансонъ. Исторія французской литературы, томъ II. Изданіе Солдатенкова. Москва. 1898. К.—36) Aleksander Hirschberg. Dymitr Samozwaniec. We Lwowie. 1898. В. Р. С.—37) Древности. Труды археографической комиссіи императорскаго московскаго археологическаго общества. Томъ I. Выпускъ 1 и 2. Москва. 1898. В. Б—ва.—38) Луи Бертранъ. Общество взаимной помощи въ Бельгіи. Перев. съ франц. Спб. 1898. Е. Щ. — 39) М. Алихановъ-Аварскій. Походъ въ Хиву. 1873. Степь и оазисъ. Спб. 1899. Б.—40) Музыкальные фельетоны и замѣтки Петра Ильича Чайковскаго (1868—1876 гг.), съ приложеніемъ портрета, автобіографическаго описанія путешествія за границу въ 1888 г. и предисловіи Г. А. Лароша. Москва. 1898. Г. Т.— 41) Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго. Томъ I. Спб. 1899. Д. Е.— 42) С. И. Уманецъ. Воспоминанія о князѣ С. В. Шаховскомъ и балтійскіе очерки. Спб. 1899. Г.—43) В. Н. Латкинъ. Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи (XVIII и XIX ст.). Спб. 1899. Б. В. Н.—44) Русскія лѣтописи. I—III. 1) Лѣтописецъ патр. Никифора.—2) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго—3) Хроника русская (Лѣтописецъ вкратцѣ) проф. И. Даниловича. Съ предисловіемъ Сергѣя Бѣлокурова. М. 1898. В. Р—ва.—45) Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. III. Софія. 1898. Σ.—46) Д. И. Сапожниковъ. Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина. Москва. 1899. М. С.—47) Архимандритъ Макарій (Глухаревъ), основатель Алтайской миссіи, П. В. Птохова. Москва. 1899. Н. Х, — 48) Отчетъ Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края за 1896 годъ, съ приложеніемъ рефератовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ общества. Астрахань. 1898. В. Р—ва.—49) «Дѣло». Сборникъ литературно-научный, изданный московскимъ отдѣломъ общества для усиленія средствъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института. Москва. 1899. Щ. — 50) И. А. Шляпкинъ. Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени. (Памятники древней письменности. CXXVIII). Спб. 1898. Пещ—ва. — 51) Ламаизмъ въ Тибетѣ, его исторія, ученіе и учрежденія. Опытъ историко-миссіонерскаго изслѣдованія священника Іоанна Попова. Казань. 1898. Х—ча.— 52) Я. К. Гротъ. Труды. Изъ скандинавскаго и финскаго міра (1839—1881). Очерки и переводы. Изд. подъ ред. проф. К. Я. Грота. Спб. 1898. Щ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ и МЕЛОЧИ . . 335, 716, 1050

1) Говорящая статуя въ древнемъ Египтѣ.—2) Роль интеллигентовъ въ паденіи Константинополя въ 1453 году.—3) Сорель о Желѣзной Маскѣ.— 4) Критъ въ концѣ прошедшаго столѣтія.—5) Мемуары баронессы Курто.— 6) Къ юбилею Мицкевича.—7) Возстаніе рабочаго населенія въ Англіи въ 1381 году.—8) Прахъ Колумба.—9) Изъ эпохи «lettres de cachet».—10) Но-

СТР.

вая книга о Маріи-Антуанеттѣ.—11) Молодость Наполеона.—12) Изъ разговоровъ Наполеона.—13) Жена Мюрата.—14) О смерти Шелли.—15) Англійскій вице-адмиралъ о Крымской кампаніи.—15) Россія и Франція въ 1870 году.—17) Оцѣнка воспоминаній Бисмарка.—18) Нѣмецкая исторія Сибири.—19) О первыхъ годахъ въ исторіи.—20) Англійская исторія православной церкви.—21) Легенда объ императрицѣ Жозефинѣ.—22) Изъ бумагъ маршала Канробера.—23) Загадка объ эмской депешѣ.—24) Изъ переписки двухъ государей.—25) Объ австрійскоя императрицѣ Елисаветѣ.—26) Изъ книгъ и статей о Россіи.

ИЗЪ ПРОШЛАГО 734, 1069

1) Императоръ Николай Павловичъ въ Бобруйскѣ. (Воспоминаніе очевидца). Сообщено г. **Кулебко-Корецкимъ**.—2) Къ характеристикѣ императора Александра I. Сообщ. **Г. А. Ященко**.—3) Одинъ изъ освободительныхъ опытовъ дереформенной эпохи. Сообщ. **В. П. Горленко**.

СМѢСЬ 343, 736, 1076

1) Открытіе памятника П. С. Нахимову.—2) Освященіе памятника на братской могилѣ.—3) Къ юбилею Пушкина.—4) С.-Петербургское археологическое общество.—5) Общество любителей древней письменности.—6) Археологическій институтъ.—7) Историческое общество.—8) Географическое общество.—9) Географическое отдѣленіе общества любителей естествознанія въ Москвѣ.—10) Антропологическое общество при военно-медицинской академіи.—11) Антропологическое общество при С.-Петербургскомъ университетѣ.—12) Подготовительныя работы къ XI археологическому съѣзду.—13) Новое изданіе Академіи Наукъ. — 14) Одесское литературно-артистическое общество.—15) Русское отдѣленіе Археологическаго общества.—16) Премія имени Г. Ѳ. Карпова.—17) Премія М. И. Михельсона.—18) Приращенія московскихъ музеевъ.—19) Торжественное засѣданіе императорской Академіи Наукъ.—20) Памятникъ Мицкевичу въ Варшавѣ.—21) Диспутъ С. А. Жебелева.—22) Диспутъ П. С. Смирнова.—23) С.-Петербургское археологическое общество.—24) Археологическій институтъ.—25) Общество любителей древней письменности.—26) Историческое общество въ Москвѣ.—27) Археологическое общество въ Москвѣ.—28) Археографическая комиссія Московскаго археологическаго общества.—29) Библіографическій кружокъ.—30) Рязанская ученая архивная комиссія.—31) Открытіе византійско-славянскаго отдѣленія.—32) Географическое общество.—33) Конгрессъ по доисторической археологіи.—34) Къ юбилею Пушкина.—35) Музей Суворова.—36) Къ юбилею Ѳ. Г. Волкова.—37) Семейный архивъ А. С. Грибоѣдова,—38) Кладъ въ Кіево-Печерской лаврѣ.—39) Завѣщаніе русскаго археолога.—40) Къ юбилею Пушкина.—41) Историческое общество при Московскомъ университетѣ.—42) Археологическое общество въ С.-Петербургѣ.—43) Археологическій институтъ.—44) Общество любителей древней письменности.—45) Генеалогическое общество.—46) Московская археографическая комиссія.—47) Археологическій кружокъ въ гор. Ташкентѣ.—48) Антропологическое общество.—49) Постановленіе объ антропологическихъ находкахъ.—50) Къ XI археологическому съѣзду.—51) Географическое общество.—52) Экспедиція въ Монголію.—53) Экспедиція для изученія Якутскаго края.—54) Коллекція памяти Ѳ. М. Достоевскаго.—55) Некрологи: Н. И. Раевскій; В. А. Воскресенскій; Е. Д. Полѣнова; В. Н. Юргевичъ; И. Ѳ. Ковшенковъ; П. М. Третьяковъ; Н. Я. Соловьевъ; А. Н. Лебедевъ; А. А. Скальковскій; А. К. Чугуновъ; П. П. Куріаръ; А. А. Куникъ; В. М. Флоринскій; А. А. Хованскій; И. Ѳ. Красковскій; В. А. Фидлеръ, Н. А. Дингельштедтъ; И. Л. Силинъ.

ЗАМѢТКИ и ПОПРАВКИ. 369, 1104

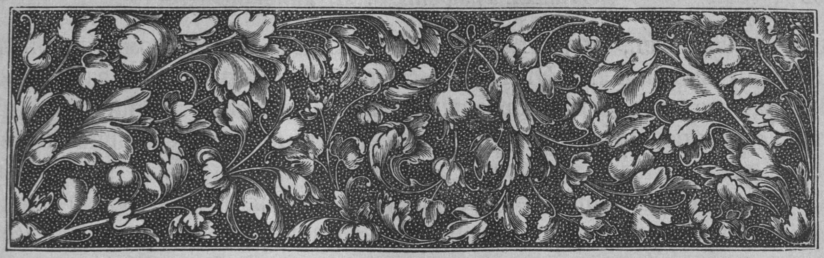
1) Къ вопросу о бояринѣ М. Б. Шеинѣ. (Отвѣтъ г. Иловайскому). **Н. Оклоблина**,—2) Историческое подоумѣніе относительно числа 26-го октября. **Василія Шевича**:—3) Къ вопросу объ ископаемыхъ стеклянныхъ шарахъ. Штабсъ-капитана **Стабровскаго**.—4) О смерти іезуита Мартынова. **Г. И. Студенкина**.—5) Къ статьѣ: Кто и когда выдумалъ «Россію»? **Д. Соголова**.

РѢДКІЕ ПОРТРЕТЫ. 1108

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій. **Л. Е. Баратыкскаго**.

СУДЪ ЧЕСТИ ПРИ СОЮЗѢ ВЗАИМОПОМОЩИ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. ЗАСѢДАНІЕ 26-ГО ЯНВАРЯ И 4-ГО ФЕВРАЛЯ 1899 Г. . . 1109

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты М. С. Перекусихиной, графини Софіи Потоцкой и Е. А. Баратынскаго.—2) Сыны Израиля. Драма въ 2-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ. **Виктора Крылова** и **С. Литвина**.—3) Графъ Мирабо (Ggaf Mirabeau. Uon Thedor Mundt). Историческій романъ въ 4-хъ частяхъ **Т. Мундта**. (Переводъ съ нѣмецкаго **З. У.**). Часть I. Гл. I—VI.



ЗАПИСКИ ГРАФИНИ В. Н. ГОЛОВИНОЙ [1].

(1766—1820).

VI.

Забавы при дворѣ Екатерины. — Интриги графини Шуваловой и Колычева. — Княгиня Голицына. — Милости императрицы къ графинѣ Головиной. — Польская депутація. — Шутка Головиной съ Зубовымъ. — Болѣзнь великаго князя Александра.— Вечера у великокняжеской четы.— Шевалье де-Саксъ.— Графиня Салтыкова.—Кротость императрицы.—Г-жа Фитингофъ.—Графъ Петръ Панинъ.

ЕСМОТРЯ на наступившее грозное время, придворная жизнь текла весело: казалось, всѣ предавались столь пагубнымъ для юности иллюзіямъ. Этотъ величественный дворъ, этотъ дворецъ, эти сады, эти благоухающія цвѣтами террасы, внушали рыцарскія идеи и возбуждали воображеніе. Возвратившись съ прогулки въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ вечеровъ, императрица остановилась на террасѣ, гдѣ усѣлась на широкія ступени. Ея величество усадила меня между собою и великой княгиней, съ которой Зубовъ не спускалъ глазъ. Великая княгиня была смущена, что̀ передавалось и мнѣ. Я съ громаднымъ трудомъ понимала то, что ея величество, дѣлая честь мнѣ, говорила; вдругъ мы услышали чудную музыку. Дицъ [2]), замѣчатель-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXV, стр. 400.

[2]) Генрихъ Дицъ, знаменитый скрипачъ того времени, учитель императора Александра I въ игрѣ на скрипкѣ.

ный музыкантъ, игралъ тріо на скрипкѣ; ему аккомпанировалъ альтъ и віолончель. Этотъ оркестръ былъ помѣщенъ въ окнѣ у Зубова, недалеко отъ террасы; полные гармоніи звуки этого инструмента любви неслись по воздуху; тишина вечера способствовала ихъ продолжительности. Великая княгиня была растрогана. Безмолвный разговоръ сердца доступенъ дружбѣ: не нужно словъ, чтобы понять другъ друга. Я поняла великую княгиню, и этого было достаточно, чтобы ея замѣшательство смѣнилось тихой радостью, внушенною чарами минуты. Когда императрица удалилась, я проводила великую княгиню домой. Мы усѣлись на окно въ маленькой гостиной; остальное общество осталось въ большой гостиной рядомъ. Наше окно было открыто и выходило въ садъ; въ красивомъ озерѣ отражалась луна, все было тихо кругомъ, кромѣ сердца, жаждущаго впечатлѣній. Великій князь любилъ свою жену, какъ братъ, но она хотѣла быть любимой такъ, какъ бы она его любила, если бы онъ сумѣлъ ее понять. Недочеты въ чувствѣ очень тяжелы, особенно во время его первыхъ проявленій. Принципы, внушенные великой княгинѣ ея матерью съ дѣтства, вели ее къ добродѣтели, къ исполненію долга: она знала, она чувствовала, что ея мужъ долженъ быть главнымъ предметомъ ея привязанности, она стремилась къ этому, но, не будучи понятой, она все болѣе и болѣе нуждалась въ дружбѣ. Я была всегда съ нею, хваля ея доброту; непріятности, интриги, иллюзіи, еще болѣе усилили ея привязанность ко мнѣ; я боялась остановить ростъ этой привязанности, ей нужно было активное чувство. Чтобы сохранить чистоту ея сердца, я старалась вполнѣ слиться съ нею; моею преданностью ей была моя собственная вѣрность; я знала, что и дружба измѣняется съ годами, ея первые дни восторженны, какъ юность, она успокаивается, наученная опытомъ. Испытанія укрѣпляютъ ея узы.

Однажды вечеромъ, вмѣсто того, чтобы послѣдовать за великой княгиней послѣ вечера у императрицы, я отправилась на минуту въ покои моего дяди, чтобы перемѣнить кое-что въ моемъ тоалетѣ. Мое отсутствіе не было продолжительно, я возвращалась къ своему мѣсту, какъ кто-то, встрѣтившись со мной, сказалъ, что Зубовъ даетъ серенаду у своего окна, что услужливая Шувалова должна повести великую княгиню на лугъ, чтобы ея присутствіе послужило одобреніемъ чувства Зубова. Я страшно разсердилась и побѣжала со всѣхъ ногъ; къ счастью, я догнала великую княгиню до прихода на условленное мѣсто; Шувалова предлагаетъ ей руку.

— Куда вы идете, ваше высочество?—спросила я.

— На лугъ,—отвѣчала она.—Графиня только что мнѣ сказала, что тамъ можно услышать великолѣпную музыку.

Я ей сдѣлала знакъ глазами и прибавила:

— Повѣрьте мнѣ, ваше высочество, лучше будетъ намъ погулять въ такую прекрасную погоду.

Великая княгиня оставила руку своей почтенной путеводительницы, и мы пошли такимъ шагомъ, что она не могла за нами послѣдовать. Шувалова была страшно возбуждена противъ меня. По дорогѣ я разсказала великой княгинѣ подкладку этой исторіи. Она была мною довольна. На другой день графиня Шувалова пожаловалась на меня всѣмъ своимъ близкимъ; я смѣюсь надъ этимъ, ибо я нахожу, что настолько же хорошо заслужить ненависть тѣхъ, которые возбуждаютъ наше презрѣніе, какъ уваженіе тѣхъ, кого любишь. Я не знаю средствъ къ уничтоженію интригъ, ни ловкости въ нихъ, я не могу льстить наперекоръ моей совѣсти, и я не признаю политики высшаго свѣта.

Однажды, послѣ обѣда, Колычевъ отъ имени Зубова предложилъ мнѣ спѣть романсъ въ тотъ моментъ, когда императрица появится на вечерѣ. Это былъ новѣйшій романсъ. Я прочла куплеты и ясно увидѣла во второмъ намеки, которые не трудно было понять [1]). Я поблагодарила Колычева, попросивъ его передать Зубову, что я не хочу ни занимать собой, ни злоупотреблять добротой императрицы, которая не любитъ музыки. Онъ ушелъ, съ чѣмъ пришелъ, а я объ этомъ не разсказала великой княгинѣ. На другой день, въ воскресенье, былъ маленькій балъ, на которомъ присутствовали приближенныя лица. Танцуя англезъ съ Колычевымъ, я увидѣла свертокъ нотъ въ его карманѣ; онъ отъ времени до времени вынималъ его для того, чтобы его замѣтила великая княгиня, стоявшая возлѣ меня; не достигнувъ того, чтобы она его спросила, что̀ это, онъ рѣшился ей предложить эти ноты, но я его предупредила, шепнувъ великой княгинѣ:

— Не берите этихъ нотъ, вечеромъ вы узнаете, что это такое.

Она ихъ не взяла. Танцовали польскій; я увидѣла Зубова, графиню Шувалову и графа Головкина, совѣщавшихся вмѣстѣ; черезъ минуту послѣдній подошелъ меня пригласить на танецъ; я согласилась, онъ сталъ въ первой парѣ, графиня Шувалова и Зубовъ за нами. Я сказала графу, что не хочу начинать польскій.

— Почему же?—спросилъ онъ. — Вы сдѣлаете удовольствіе господину Зубову.

— Ему слѣдуетъ начинать польскій, — отвѣтила я и настояла на томъ, чтобы перемѣнить мѣсто. Зубовъ сказалъ мнѣ:

— Я умоляю васъ, графиня, начать польскій, я буду такъ счастливъ слѣдовать за вами, только вы можете повести меня къ счастью.

— Я не имѣю способности вести кого бы то ни было, я едва умѣю себя вести.

---

[1]) Судьба совершаетъ преступленіе,
Заставляя меня желать ее воспламенить,
Предоставляетъ своей жертвѣ
Роковое право любить.

Я оставила мѣсто и стала въ послѣднюю пару. Графъ Головкинъ сказалъ мнѣ:

— Вы очень упрямы.

— Я признаюсь, что я не такъ податлива, какъ вы, — отвѣтила я.

Я забыла сказать о женѣ князя Михаила Голицына, — старшей дочери графини Шуваловой, — которая получила позволеніе пріѣзжать по воскресеньямъ въ Царское Село [1]). Это—женщина съ безпокойнымъ умомъ, съ полнымъ непослѣдовательности характеромъ. Она завидовала многочисленнымъ ко мнѣ милостямъ императрицы. Между обѣдней и обѣдомъ у императрицы собиралось общество [2]); княгиня Голицына знала, что императрица иногда занималась приготовленіемъ камеевъ и горѣла желаніемъ получить одинъ для медальона, который она носила на шеѣ, и который заботливо выставляла на показъ, чтобы замѣтили, что онъ пустъ. Императрица это замѣтила и сказала ей:

— Мнѣ кажется, княгиня, что медальонъ, который я вижу нѣсколько воскресеній, о чемъ-то проситъ.

Княгиня покраснѣла отъ радости и отвѣчала, что будетъ страшно счастлива, если медальонъ заслужитъ работу императрицы.

— Нѣтъ, княгиня, я вамъ дамъ сибирскій камень, красивѣе моихъ оттисковъ.

Черезъ недѣлю она отослала графинѣ Шуваловой для ея дочери медальонъ изъ сибирскаго халцедона, окруженный брилліантами. Къ обѣднѣ явилась княгиня, сіяющая отъ подарка ея величества, показывая его всѣмъ и каждому, не владѣя собой. Вечеромъ на маленькомъ балѣ она ногъ подъ собой не чувствовала отъ радости. Императрица наблюдала за мной весь день, обращалась со мной холодно, но это меня не безпокоило. Я танцовала, по обыкновенію, съ тою же веселостью; мой ангелъ—великая княгиня занимала меня всецѣло; меня не коснулось зло двора. Ея величество это замѣтила. Къ концу вечера она подозвала меня къ себѣ.

— Ваша веселость меня очаровываетъ, — сказала она мнѣ, — ничто не смущаетъ ея.

— Что же могло бы смутить ее, ваше величество, — отвѣтила я, — когда я осыпана милостями вашего величества и великой

---

[1]) Княгиня Прасковья Андреевна Голицына (род. 1767 г., ум. 1828 г.) была въ супружествѣ съ кн. Мих. Андреевичемъ, т. с. и камергеромъ (ум. 1812 г.). Она была прекрасная и лучшая танцовщица.

[2]) Тутъ же происходила смѣна дежурствъ генералъ-адъютантовъ. Тотъ, кто кончалъ дежурство, преклонялъ колѣно передъ императрицей и давалъ ей жезлъ, который она вручала его замѣстителю. Хотя эта церемонія повторялась еженедѣльно, но она всегда поражала тѣмъ величіемъ, которое императрица въ нее вкладывала—она какъ будто говорила: «довѣріе и преданность».

княгини? Чего мнѣ теперь недостаетъ? Я счастлива, я вдвойнѣ счастлива тѣмъ, что этимъ я обязана вашему величеству.

Она положила свою руку на мою и сказала:

— Ступайте, вы мнѣ нравитесь.

По возвращеніи въ городъ, 30-го августа, въ день святого Александра Невскаго, ея величество послала за моимъ мужемъ и вручила ему для меня медальонъ гораздо красивѣе медальона княгини Голицыной, прибавивъ, что онъ долженъ мнѣ его дать только въ томъ случаѣ, если онъ мною доволенъ. Трощинскій, секретарь императрицы, сказалъ мнѣ впослѣдствіи, что онъ былъ у нея въ то время, когда ювелиръ принесъ мой медальонъ. Ея величество показала его ему, говоря:

— Я его назначила для одной женщины, которую очень люблю; я подарила подобный женѣ князя Михаила Голицына, но, сравнивая ихъ, стоитъ понять разницу моей привязанности.

Какъ запечатлѣны ея милости въ моемъ сердцѣ! Чувство моей благодарности къ ней является для меня насущной потребностью. Сама смерть не истребитъ во мнѣ этого чувства: настолько оно вкоренилось въ моей душѣ, и сдѣлаетъ его священнымъ и благочестивымъ!

Этотъ годъ былъ отмѣченъ интересными событіями: присоединеніемъ Курляндіи, взятіемъ Варшавы и раздѣломъ Польши. Это политическое событіе было неминуемымъ слѣдствіемъ первыхъ двухъ. Ненависть поляковъ къ русскимъ увеличилась. Сознаніе зависимости крайне возбуждало ихъ гордость. Я была свидѣтельницей сцены, которую я никогда не могла забыть и которая мнѣ показала величіе императрицы.

Явилась польская депутація, которая должна была быть представленной въ Царскомъ Селѣ. Мы ожидали императрицу въ гостиной; насмѣшливый и непріязненный видъ этихъ господъ меня очень забавлялъ. Императрица появилась, они всѣ невольно вытянулись; ея величественный и благосклонный видъ вызвалъ ихъ глубокій поклонъ. Она сдѣлала два шага, ей представили этихъ господъ, каждый изъ нихъ сталъ на одно колѣно, чтобы поцѣловать ея руку; покорность рисовалась на ихъ лицахъ въ эту минуту. Императрица говорила имъ, ихъ лица засіяли; черезъ четверть часа она удалилась, тихо кивая, что невольно заставляло головы преклоняться. Поляки совершенно растерялись, уходя, они бѣгали и кричали: «Нѣтъ, это не женщина, это сирена, это волшебница, ей нельзя противиться».

Когда дворъ помѣщался въ Таврическомъ дворцѣ, я тамъ бывала ежедневно. Я часто обѣдала у ихъ императорскихъ высочествъ въ тѣсномъ кругу: великій князь, великая княгиня, мой мужъ и я. Въ 6 часовъ мы отправлялись къ императрицѣ, гдѣ собирались у круглаго стола, какъ въ Царскомъ Селѣ. Бывали концерты, оркестръ

состоялъ изъ лучшихъ придворныхъ музыкантовъ и любителей, среди нихъ былъ Зубовъ. Первыми пѣвицами были мы — великая княгиня и я. Ея голосъ нѣженъ и гибокъ; ее слушали очарованные. Мы вмѣстѣ пѣли дуэты, наши голоса сливались въ аккордѣ. Однажды вечеромъ, послѣ симфоніи, Зубовъ отыскалъ меня, чтобы предложить мнѣ еще разъ спѣть тотъ знаменитый романсъ, отъ котораго я уже разъ отказалась. Я сидѣла за стуломъ императрицы; великая княгиня, сидѣвшая рядомъ съ ней, услышала эту просьбу и была ею такъ смущена, что не смѣла поднять глазъ на меня; великій внязь былъ взволнованъ. Я встала и пошла за Зубовымъ къ клавесину, онъ мнѣ аккомпанировалъ на скрипкѣ. Я спѣла ничего не значащій первый куплетъ и остановилась. «Какъ уже, графиня? но это очень кратко». Я повторила первый куплетъ, онъ меня просилъ спѣть второй, я отказалась, говоря ему, что мы остановили концертъ изъ-за очень скучной музыки, и отошла отъ клавесина. Когда я проходила мимо императрицы, она меня спросила:

— Что это за іереміада?

— Самая настоящая іереміада, ваше величество, это самая скучная арія, которую я когда либо слышала.

Я сѣла на прежнее мѣсто. Взгляды великой княгини выражали удовольствіе; я была болѣе, чѣмъ счастлива, видя ее довольной. Концертъ кончился, я собиралась уѣзжать; когда я надѣвала плащъ, великій князь зашелъ за мной и, увлекши меня въ кабинетъ великой княгини, сталъ передъ мною на колѣни и засвидѣтельствовалъ мнѣ самымъ живымъ образомъ то удовольствіе, которое ему доставила моя продѣлка.

Я позволю себѣ разсказать настоящую шутку, которую я въ то время сыграла. Есть нѣкто Кольевъ — человѣкъ умный, но очень скверный, сущій паразитъ, увивавшійся около вельможъ. Онъ нѣсколько разъ, бывая у моей свекрови, прислуживался къ Зубову. Однажды, находясь у насъ, онъ сказалъ, что видѣлъ великую княгиню у ея окна вмѣстѣ съ графиней Шуваловой, что онъ на нихъ долго смотрѣлъ изъ окна Зубова, жившаго напротивъ и который весь обратился въ вниманіе. Онъ прибавилъ, что—это уловка графини, чтобы показать великую княгиню своему протеже. Эти подробности уязвили меня и очень не понравились. На другой день великая княгиня написала мнѣ, приказывая явиться къ ней въ 11 часовъ, желая репетировать со мной дуэтъ, который мы должны были спѣть на слѣдующемъ концертѣ. Я отправилась. Сарти намъ аккомпанировалъ [1]). Сарти удалился. Я спросила великую княгиню, правда ли, что графиня Шувалова подводила иногда ее къ окну, чтобы поговорить. Она отвѣтила, что да, но замѣтивъ, что Зубовъ на нее смотритъ, она больше тамъ не оста-

---

[1]) Мѣсто неразборчивое, зачеркнутое.

навливалась. Я попросила у нея разрѣшенія сдѣлать все то, что мнѣ придетъ въ голову; она согласилась. Я ее попросила сѣсть въ глубинѣ комнаты, чтобы видѣть зрѣлище, которое я ей собиралась доставить; сама отправилась въ ея уборную за булавками. Вернувшись, я подошла къ окну и замѣтила Зубова съ направленнымъ на насъ телескопомъ; я ему поклонилась, онъ мнѣ отвѣтилъ низкимъ поклономъ, я посмотрѣла на него минуту, потомъ повернула голову назадъ, какъ бы разговаривая съ кѣмъ-то; я взобралась на стулъ и заколола занавѣси такъ высоко, какъ только могла, оставивъ лишь отверстіе, въ которое могла пролѣзть моя голова, и еще разъ поклонилась ему. Онъ сразу удалился; мнѣ только это и нужно было, и я сошла со стула. Великая княгиня смѣялась отъ всего сердца. Къ обѣду я хотѣла уйти, но она не позволила мнѣ и удержала меня на весь день. Къ вечеру послали за графиней Толстой, и мы очень весело провели время въ шестеромъ: трое мужей и три жены.

Черезъ нѣсколько недѣль дворъ переѣхалъ въ Зимній дворецъ. Великій князь былъ нездоровъ въ теченіе 52 дней. Каждое утро я получала записку отъ великой княгини, приказывавшей мнѣ явиться къ ней вечеромъ. Графиня Толстая была также приглашаема, но она не всегда являлась. Лучшіе музыканты и во главѣ ихъ Дицъ исполняли симфоніи Гайдна и Моцарта. Великій князь игралъ на скрипкѣ, мы слушали эту прекрасную музыку изъ сосѣдней комнаты, гдѣ мы почти всегда бывали вдвоемъ съ великой княгиней. Нашъ разговоръ часто носилъ слѣды той гармоніи, которая сопутствуетъ словамъ, идущимъ прямо изъ сердца.

Музыка имѣетъ особенную силу надъ нашими душевными движеніями: она возбуждаетъ въ нашей памяти былыя впечатлѣнія, все окружающее перестаетъ существовать для насъ, могилы какъ бы разверзаются, мертвые воскресаютъ, отсутствующіе возвращаются, ощущенія и впечатлѣнія насъ осаждаютъ и какъ бы окутываютъ; наслаждаешься, страдаешь, сожалѣешь, чувствуешь болѣе сильно. Одно время и въ тяжелые моменты моей жизни хотѣлось бѣжать отъ моего клавесина. Невольно я возвращалась къ тѣмъ мѣстамъ музыки, которыя напоминали мнѣ прошлое. Я уходила отъ себя самой, но не могла уйти отъ воспоминаній; если бъ я испытывала чувство любви, оно бы окончилось побѣдой или отвращеніемъ, но это было просто непреодолимымъ чувствомъ, которое страдало неослабно и не находило опоры въ сердцѣ, внушившемъ и направившемъ его.

Когда болѣзнь великаго князя окончилась, эти вечера прекратились; великая княгиня столь же сожалѣла объ этомъ, какъ и я: они были интересны и навѣвали тихое настроеніе послѣ ужина; я уходила съ великой княгиней въ ея уборную, мы бесѣдовали, иногда читали. Великій князь оставался въ сосѣдней комнатѣ съ

моимъ мужемъ, котораго онъ очень любилъ; они бесѣдовали, иногда спорили о тѣхъ либеральныхъ идеяхъ, которыя старался внушить ему одинъ изъ его воспитателей—Лагарпъ. Минута разставанія приближалась, великій князь удалялся съ моимъ мужемъ въ кабинетъ для совершенія своего ночного тоалета. Великая княгиня принималась за свой, я расчесывала волосы, свертывала ихъ, заплетала въ косу. Первая камерфрау Геслеръ ее раздѣвала, затѣмъ она переходила въ свою спальню, чтобы лечь въ постель, куда она звала меня, чтобы попрощаться. Я становилась на колѣни на ступенькахъ ея кровати, цѣловала ея руку и удалялась.

Однажды вечеромъ, когда я пріѣхала къ великой княгинѣ, она открывала одну изъ дверей своего кабинета въ то время, какъ я входила въ другую. Какъ только она меня замѣтила, она порхнула ко мнѣ; я признаюсь, что приняла ее за прекрасное видѣніе. Волосы ея были растрепаны, она была въ бѣломъ платьѣ, называемомъ греческою рубашкою, съ узкою золотою цѣпью на шеѣ, рукава ея были засучены, такъ какъ она только что оставила арфу. Я остановилась и сказала ей:

— Боже мой, ваше высочество, какъ вы хорошо выглядите!—вмѣсто того, чтобы сказать: Боже мой, какъ вы прекрасны.

— Что вы находите необыкновеннаго въ сегодняшнемъ состояніи моего здоровья?—спросила она.

— Я нахожу, что по вашему виду вы чудесно себя чувствуете.

Глупо не говорить того, что думаешь, тѣмъ, отъ которыхъ ничего никогда не хотѣлъ бы скрыть. Она увела меня въ свою уборную, приказала аккомпанировать ей на піанино, взялась снова за арфу и играла «Les folies d'Espagne»; я брала аккорды. Мы бесѣдовали потомъ вплоть до ужина. Въ этотъ вечеръ не было приглашенныхъ къ ужину.

Наши бесѣды никого не затрогивали. Мысли слѣдовали одна за другой безыскусно и безъ подготовки, чувства наши доставляли неизсякаемые предметы для бесѣды, душа ихъ облагораживала, а умъ уяснялъ намъ наши впечатлѣнія. Какъ я сожалѣю тѣхъ, кто желаетъ блистать на счетъ другихъ; какіе ложные проблески, какое отсутствіе глубины, какая мелочность и сколько ненужныхъ стараній, чтобы разрисовать ложь, которая исчезаетъ, какъ фейерверкъ! Въ теченіе зимы 1794—1795 года часто бывали маленькіе балы и спектакли въ Эрмитажѣ, а также иной разъ и въ тронной залѣ. Новый кавалеръ появился на нихъ,—шевалье de Saxe, побочный сынъ принца Ксаверія, дяди саксонскаго короля. Императрица приняла его очень хорошо, но его пребываніе въ столицѣ окончилось очень печально. Одинъ англичанинъ, по имени Макартней, очень дурной человѣкъ, подстрекнулъ его нанести оскорбленіе князю Щербатову, по выходѣ изъ спектакля; онъ его оскорбилъ такимъ образомъ, что не оставалось никакого сомнѣнія въ его винѣ, и вслѣдствіе этого

онъ былъ высланъ за границу. Князь Щербатовъ, не имѣя возможности получить отъ него удовлетвореніе, котораго требовала его честь, отправился за нимъ въ Германію, вызвалъ его на дуэль и убилъ. Я встрѣтилась съ его сестрой, герцогиней д'Езклиньякъ, во время моего путешествія во Франціи; мы очутились въ одной и той же гостиницѣ въ Страсбургѣ, а по возвращеніи я еще разъ видѣла ее въ Дрезденѣ. Послѣ смерти шевалье de Saxe она питала сильную ненависть къ русскимъ.

По мѣрѣ того, какъ я отыскиваю въ своемъ прошломъ эту массу воспоминаній, доставляющую мнѣ много удовольствія, невольныя сравненія представляются моему уму и прерываютъ нить моихъ мыслей. Что такое жизнь, какъ не продолжающееся сближеніе настоящаго съ прошедшимъ? Впечатлѣнія изглаживаются со временемъ, страсти утихаютъ, точка зрѣнія становится яснѣе, душа мало-помалу освобождается отъ своихъ узъ. Это—какъ бы прекрасная картина, потемнѣвшая отъ времени, ея тонкіе штрихи потеряли свой блескъ, но тѣмъ больше въ ней силы, и тѣмъ бо́льшую цѣну пріобрѣтаетъ она въ глазахъ знатоковъ.

Обратимся ко двору, къ человѣческимъ слабостямъ и... къ повязкѣ. Графиня Салтыкова, невѣстка графини Шуваловой, страшно желала быть принятой на концерты въ Эрмитажѣ [1]). Императрица оказала эту милость ей и ея дочерямъ [2]) разъ или два. Однажды, когда она присутствовала, мы ожидали императрицу въ гостиной, гдѣ находился оркестръ. Графиня Салтыкова, хотя женщина съ достоинствами, имѣла ту страшную зависть, которую вселяетъ дворъ и которую ничто не можетъ превозмочь; милости императрицы ко мнѣ причиняли ей въ нѣкоторомъ родѣ безпокойство и дѣлали ея тонъ иногда язвительнымъ по отношенію къ моей маленькой особѣ. Въ этотъ день у меня была очень красивая прическа, устроенная графиней Толстой, и повязка, проходившая подъ подбородкомъ; графиня Салтыкова подошла ко мнѣ съ холоднымъ и непріязненнымъ видомъ. Она была высока ростомъ, представительна и съ мужскими манерами. — «Что у васъ подъ подбородкомъ?» — спросила она, — «что это у васъ за повязка, придающая вамъ болѣзненный видъ?» «Графиня Толстая причесала меня, я предоставила ей поступать по ея фантазіи, у нея больше вкуса, чѣмъ у меня».—«Я не могу

---

[1]) Графиня Дарья Петровна Салтыкова, жена фельдмаршала Ивана Петровича Салтыкова, урожд. Чернышева (род. 1739 г., ум. 1802). Въ статсъ-дамы была пожалована 2-го сентября 1793 г.

[2]) Дочери графини Салтыковой: 1) графиня Прасковья Ивановна (род. 1772 г.), бывшая затѣмъ въ замужествѣ за сенаторомъ Петромъ Васильевичемъ Мятлевымъ; 2) Екатерина Ивановна, умершая въ дѣвицахъ въ 1815 г., и 3) Анна Ивановна (род. 1777 г., ум. 1824 г.), въ замужествѣ за сенаторомъ, графомъ Григ. Влад. Орловымъ.

скрыть отъ васъ»,—сказала она,—«что это очень некрасиво».—«Что дѣлать, я не могу перемѣнить ее въ настоящее время».

Явилась императрица, началась симфонія. Великая княгиня спѣла свою арію, я также свою; послѣ этого меня позвала ея величество (графиня Салтыкова была рядомъ съ ней).—«Что у васъ подъ подбородкомъ?»—спросила меня императрица,—«знаете ли, что это очень красиво и очень вамъ идетъ?»—«Боже мой, какъ я счастлива»,—отвѣчала я,—«что эта прическа нравится вашему величеству: графиня Салтыкова нашла ее такой некрасивой, такой непріятной, что я впала въ уныніе». Императрица, взявъ за повязку, повернула мое лицо въ сторону графини Салтыковой и сказала: «Но посмотрите, графиня, какъ она хороша». Совершенно смущенная, Салтыкова отвѣтила:—«Правда, что это очень идетъ къ лицу». Императрица притянула меня къ себѣ и сдѣлала знакъ глазами. Мнѣ хотѣлось смѣяться, но я сдержалась, видя смущеніе графини, внушавшей мнѣ почти жалость. Я поцѣловала руку императрицы и вернулась на свое мѣсто.

Въ теченіе этой же зимы произошла одна ошибка, служившая доказательствомъ доброты императрицы. Она приказала гофмаршалу, князю Барятинскому, пригласить въ Эрмитажъ графиню Панину, нынѣ госпожу Тутолмину [1]). Ея величество вошла и увидѣла графиню Фитингофъ, которая никогда не была ею принимаема. Она будто бы не обратила вниманія на это, разговаривала, и потомъ тихо спросила князя Барятинскаго, какъ случилось, что графиня Фитингофъ находится въ Эрмитажѣ. Гофмаршалъ извинился и сказалъ, что лакей, который долженъ былъ разнести приглашенія, ошибся и, вмѣсто того, чтобы снести графинѣ Паниной, отнесъ графинѣ Фитингофъ.

— «Сперва пошлите за графиней Паниной, пусть она пріѣдетъ, какъ она есть; что же касается до графини Фитингофъ, впишите ее въ списокъ приглашенныхъ на большіе балы; не надо дать ей замѣтить, что она здѣсь по ошибкѣ».

Графиня Панина пріѣхала и была принята, какъ дочь человѣка, котораго императрица всегда уважала. Я приведу здѣсь анекдотъ, равно дѣлающій честь и государынѣ, и ея подданному. Императрица предначертала законы, которые она повелѣла разсмотрѣть сенаторамъ. Въ то время императрица еще посѣщала сенатъ. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій она спросила о результатѣ разсмотрѣнія ея работы. Всѣ сенаторы ее одобрили, одинъ графъ Петръ Панинъ хранилъ молчаніе; императрица спросила его мнѣніе.

---

[1]) Графиня Софія Петровна Панина, дочь «персональнаго врага и оскорбителя» Екатерины Великой, графа Петра Ивановича Панина, въ замужествѣ была за Иваномъ Васильевичемъ Тутолминымъ, камергеромъ при великой княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, впослѣдствіи почетнымъ опекуномъ и шталмейстеромъ, род. 1762 г., ум. 1815. г.

— «Нужно ли отвѣтить вашему величеству въ качествѣ вѣрноподданнаго, или же въ качествѣ придворнаго?»—спросилъ онъ.

— «Безъ сомнѣнія, въ качествѣ перваго».

Графъ выразилъ желаніе поговорить съ императрицей особо. Она удалилась съ нимъ отъ окружавшихъ ее лицъ, взяла тетрадь и разрѣшила ему вычеркнуть все то, что онъ найдетъ неподходящимъ. Графъ Панинъ зачеркнулъ все. Императрица разорвала надвое бумагу, положила ее на столъ, окруженный сенаторами, и сказала имъ:

— «Графъ Панинъ только что самымъ положительнымъ образомъ доказалъ мнѣ свою преданность». И, обращаясь къ графу, сказала: «Прошу васъ поѣхать со мной ко мнѣ обѣдать».

Съ этихъ поръ императрица не переставала совѣтоваться съ нимъ о своихъ проектахъ, и даже тогда, когда онъ былъ въ Москвѣ, спрашивала его письменно о нихъ [1]).

VII.

Переѣздъ двора въ Царское Село весною 1795 г.—Любовь императрицы Екатерины къ великой княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.—Нерасположеніе къ графинѣ Головиной великой княгини Маріи Ѳеодоровны.—Поѣздка въ Петергофъ.—Посѣщеніе Кронштадта.—Пожалованіе польскихъ имѣній.—Графъ Шуазель-Гуфье.—Случай съ кошкой императрицы.—Удаленіе отъ двора Растопчина.—Прогулка въ Царскосельскомъ саду.—Графиня Браницкая.—Уничтоженіе дневника великой княгини Елисаветы Алексѣевны.

Наступила весна. Каждый разъ съ новой радостью я думала объ отъѣздѣ въ Царское Село; независимо отъ наступленія прекраснаго времени года и здороваго воздуха, которымъ дышали на дачѣ, я имѣла счастіе видѣть великую княгиню почти съ утра до вечера. Въ городѣ я ее часто видѣла, но это было не то; также она писала мнѣ правильно черезъ моего мужа, имѣвшаго честь видѣть ихъ высочествъ ежедневно. Мы отправились 6 мая 1795 года въ Царское Село. Я была беременна и потому не принимала участія въ возобновившейся игрѣ въ горѣлки, а оставалась возлѣ ея величества, которая по своей добротѣ почти всегда усаживала меня возлѣ себя. Наши бесѣды касались обыкновенно только граціи и прелести великой княгини. Я помню, что однажды вечеромъ, въ то время, какъ приготовляли игры, императрица сидѣла между великой княгиней и мной; между нами находилась маленькая левретка императрицы, которую великая княгиня гладила рукой. Императрица, говорившая со мной въ это время, повернувши ко мнѣ свое лицо, желая также погладить собачку, положила свою руку на руку великой княгини, которая ее поцѣловала.

---

[1]) Графиня ошибается.

— «Боже мой», — сказала ея величество, — «я не думала, что здѣсь ваша рука».

Великая княгиня отвѣтила: «Если это не преднамѣренно, то я благословляю случай».

Эти слова, произнесенныя кстати и съ граціей, доставили императрицѣ новый случай говорить мнѣ о великой княгинѣ, которую она любила съ особенною нѣжностью. Молодая и скромная великая княгиня не имѣла въ сношеніяхъ съ ея величествомъ той непринужденности, которую могла бы имѣть. Происки и интриги графа Салтыкова увеличивали нѣкоторое смущеніе, испытываемое великой княгиней. Великая княгиня-мать все больше и больше завидовала дружбѣ между императрицей и молодой великой княгиней; это несчастное чувство увеличивало также ея нерасположеніе ко мнѣ. Съ этихъ поръ она пыталась погубить меня въ глазахъ великаго князя Александра и великой княгини Елисаветы, рисуя имъ меня, какъ женщину опасную и интриганку. Увы, я слишкомъ мало была къ этому способна: мое откровенное и непринужденное поведеніе такъ противорѣчило политикѣ двора, что, если бы я хотя одну минуту руководилась расчетомъ, я бы дѣйствовала съ бо́льшей осторожностью и ловкостью. Мое особенное рвеніе и моя преданность позволяли мнѣ думать только о пользѣ той, которой я отдала всю свою жизнь; я не думала о тѣхъ опасностяхъ, которымъ ежедневно сама подвергалась. Богъ—великъ и справедливъ, время ослабляетъ оружіе клеветы и разрываетъ пелену, скрывающую отъ глазъ истину; совѣсть, внутреннее чувство, превозмогаетъ наши горести и даетъ успокоеніе, помощью котораго можно все перенести.

30 мая, мы устроили съ ихъ императорскими высочествами поѣздку въ Петергофъ; мы отправились очень рано и вернулись въ Царское Село только поздно ночью. Погода была благопріятная, утро употребили на прогулку по садамъ, обѣдали, потомъ великая княгиня и я прогуливались по террасѣ Монплезира [1]). Это мѣсто было красиво и величественно, въ немъ есть отпечатокъ чего-то рыцарскаго; прекрасные водопады, высокія деревья, крытыя аллеи и море представляютъ величественное и благородное зрѣлище. Я бесѣдовала съ великой княгиней, нашъ разговоръ прерывался прибоемъ волнъ, разбивавшихся о берегъ; опираясь, какъ и я, на баллюстраду, она мнѣ говорила отъ избытка сердца, я проникалась этимъ, слушала ее и дѣлалась еще болѣе чувствительной. Вдругъ она увела меня въ маленькій дворецъ, примыкавшій къ террасѣ, и раскрыла мнѣ всю свою душу. Эта минута была моимъ торже-

---

[1]) Маленькій деревянный дворецъ, построенный Петромъ I; императрица Екатерина II жила въ немъ иногда въ началѣ своего царствованія. Примѣчаніе гр. В. Н. Головиной.

ствомъ и предчувствіемъ будущей нашей дружбы, доказательствомъ ея довѣрія ко мнѣ и причиной той клятвы въ вѣрности, которую я ей принесла въ глубинѣ моей души и которая является источникомъ моей безконечной привязанности къ ней. Этотъ разговоръ придалъ нашей поѣздкѣ особенную прелесть; мы вернулись къ обществу и въ 10 часовъ оставили Петергофъ. Проѣзжая мимо дачи оберъ-шталмейстера Нарышкина [1]), мы увидѣли его со всѣмъ семействомъ у входа въ его садъ. Остановились изъ вѣжливости, но оберъ-шталмейстеръ умолялъ ихъ высочествъ зайти къ нему; многочисленное общество собралось у него, пять дочерей хозяина хлопотали, жеманились: это былъ настоящій балаганъ. Этотъ домъ отличался разнообразнымъ обществомъ, посѣщавшимъ его ежедневно. Нарышкинъ былъ доволенъ только тогда, когда его гостиная была наполнена всякимъ сбродомъ: заслуги и качества личностей были ему безразличны.

Эта прогулка 30-го мая—одно изъ самыхъ дорогихъ моихъ воспоминаній. Есть минуты въ жизни, когда, кажется, рѣшается судьба; это — свѣтлая точка, ничѣмъ неизгладимая; тысяча вещей слѣдуетъ за ней, не уничтожая ея значенія; года, горести, проблески счастья, кажется, связаны съ этимъ центромъ, владѣющимъ нашимъ сердцемъ.

Нашъ флотъ отправлялся въ Англію. Императрица предложила ихъ императорскимъ высочествамъ отправиться въ Кронштадтъ, чтобы его увидѣть. Великій князь былъ доволенъ этимъ разрѣшеніемъ, великая княгиня также, но съ условіемъ, чтобы я и ѣхала съ ними. Графиня Шувалова была въ городѣ у своей дочери, для которой наступило время родовъ. Когда эта маленькая поѣздка была рѣшена, графъ Салтыковъ пришелъ наканунѣ съ утра, чтобы заявить, что я не должна ѣхать, потому что это особенно не нравится великой княгинѣ—матери. Я догадалась объ этой новой интригѣ еще до того, когда мнѣ о ней сказали. Великій князь мнѣ ничего не говорилъ о поѣздкѣ, но великая княгиня ни на одну минуту не переставала высказывать желаніе взять меня съ собой, прибавляя милостиво, что она не сможетъ ничѣмъ наслаждаться, если я не буду съ ней. Послѣ обѣда я стояла у окна комнаты моего дяди, когда увидѣла подходившаго великаго князя. «Я васъ искалъ по всему саду»,—сказалъ онъ—«я хотѣлъ васъ видѣть». «Ваше высочество очень добры, еще недавно я имѣла честь васъ видѣть; эта поспѣшность, признаюсь, мнѣ немного подозрительна. Боюсь, не слѣдствіе ли она посѣщенія Салтыкова». Великій князь

---

[1]) Левъ Александровичъ, извѣстный «шпынь» и балагуръ, оберъ-шталмейстеръ Екатерины II, пользовавшійся ея расположеніемъ, изобрѣтатель роговой музыки, писатель-сатирикъ и сотрудникъ «Собесѣдника». Любилъ широко и весело пожить. Род. 1733, † 1799.

покраснѣлъ и сказалъ: «Что за выдумки, толстуха (онъ меня звалъ такъ тогда), мнѣ хотѣлось васъ видѣть».—«Сегодня вечеромъ, ваше высочество, я не знаю почему, но у меня есть предчувствіе, что что-то случится».

Въ 6 часовъ я поднялась къ императрицѣ, она пришла первая, ихъ императорскія высочества опоздали. Ея величество подошла ко мнѣ и сказала: «Надѣюсь, что завтра вы будете готовы къ поѣздкѣ?»—«Я еще не получила никакихъ приказаній»,—отвѣтила я.—«Какъ это хотятъ разлучить васъ съ вашимъ супругомъ, какъ это вы не будете сопровождать великую княгиню?» Я склонила голову вмѣсто отвѣта, ибо видѣла, что императрица раздражена. «Наконецъ, прибавила она, если о васъ не заботятся, то я позабочусь, чтобы вамъ оказано было вниманіе». Пришли ихъ высочества, императрица была серьезна и сѣла за свою партію въ бостонъ, а мы вокругъ круглаго стола. Я разсказала сперва великой княгинѣ о всемъ, что произошло. Она была страшно рада, предвидя, что я ей буду сопутствовать. Она позвала великаго князя и разсказала то, что я ей сообщила. Онъ разсыпался въ просьбахъ, чтобы я поѣхала съ ними; я притворилась непреклонной, я представляла тѣ опасности, которымъ онъ подвергался при Салтыковѣ; я была немного зла, признаюсь. Послѣ вечера у императрицы я ужинала у ихъ высочествъ; тѣ же просьбы, тотъ же отказъ, потомъ я вернулась домой. Въ ту минуту, когда я ложилась спать, великій князь послалъ за моимъ мужемъ, который, вернувшись, объявилъ мнѣ, что я непремѣнно должна ѣхать. На другой день мы рано утромъ двинулись въ путь. Ихъ императорскихъ высочествъ сопровождали графъ Салтыковъ, мой мужъ, я, графъ и графиня Толстые, супруги Тутолмины, которые просили о позволеніи участвовать въ поѣздкѣ, и дежурные фрейлина и камеръ-юнкеръ. Погода была прекрасная, много гуляли передъ обѣдомъ, который былъ въ Монплезирѣ, гдѣ мы жили во время двухдневнаго пребыванія въ Петергофѣ. Въ этотъ вечеръ великая княгиня и я пошли къ морскому берегу. Море было спокойно и давало надежду на это назавтра. Закатывавшееся солнце чудесно сіяло; его золотые лучи освѣщали такія высокія, древнія деревья, продолговатыя тѣни которыхъ увеличивали случайные проблески свѣта. Эта минута въ природѣ дѣйствительно очень эффектна. Художникъ въ ней найдетъ вполнѣ готовыя краски, которыя напрасно ищетъ воображеніе. Такое же впечатлѣніе производитъ на насъ прекрасный характеръ, чистый и благородный, который поражаетъ, привязываетъ къ себѣ и разрушаетъ всякое сомнѣніе. Спокойная поверхность моря, зеркало природы, отражаетъ небо, какъ прекрасное лицо носитъ отпечатокъ души.

Широкая аллея посреди парка поднимается террасой до Большого дворца и пересѣкается только фонтанами, струи которыхъ

очень высоко поднимаются и падаютъ затѣмъ въ мельчайшихъ брызгахъ. Паркъ оканчивается каналомъ, впадающимъ въ море, посреди этого канала находились тендеры и шлюпки, которыя должны были на другой день отвезти насъ въ Кронштадтъ. Перевозчики, усѣвшись въ кружокъ вокругъ котла на одномъ суднѣ, ѣли деревянными ложками похлебку. Великая княгиня остановилась на минуту, чтобы посмотрѣть на нихъ, спрашивая ихъ, что они ѣдятъ: «Похлебку, матушка» [1],—отвѣчали они разомъ. Она спустилась въ шлюпку и попросила ложку, чтобы попробовать. Восторгъ перевозчиковъ, вызванный этимъ знакомъ милости, былъ необычаенъ, ихъ крики повторялись эхомъ. Великая княгиня поднялась медленно, съ тѣмъ спокойствіемъ и съ тѣмъ ангельскимъ видомъ, которые дѣлали ея прекрасное лицо еще прекраснѣе, взяла меня молча подъ руку и вернулась на дорогу парка. Я ничего не говорила, крики лодочниковъ отзывались въ глубинѣ моей души. Красота природы, очарованіе граціи, красоты и доброты, представляютъ какъ бы аккордъ, взятый на хорошемъ органѣ. Эти звуки проникаютъ въ душу и заставляютъ забывать слова: слишкомъ чувствуешь, чтобы ихъ искать.

На другой день мы сѣли на суда, чтобы идти въ Кронштадтъ; держалась прекрасная и спокойная погода; мы прямо подошли къ флоту, стоявшему на рейдѣ и расцвѣченному флагами. На снастяхъ, укрѣпленныхъ гирляндами, стояли матросы, что̀ представляло чудное зрѣлище. Мы поднялись среди криковъ «ура» на судно адмирала Ханыкова [2], командовавшаго флотомъ. Ихъ императорскимъ высочествамъ былъ поданъ превосходный морской завтракъ, каюты были прекрасны, мы гуляли по палубѣ; безбрежное море разстилалось предъ нами, и флотъ являлся доказательствомъ человѣческаго ума. Мы обѣдали въ Кронштадтѣ у адмирала Пушкина [3]; изобиліе плохо сервированныхъ блюдъ не было способно возбудить аппетитъ, но молодость, здоровье и движеніе служили приправой для блюдъ. Чревоугодіе—старческая слабость, остатокъ очень грустнаго и непріятнаго наслажденія; молодежь слишкомъ наслаждается, чтобы думать о желудкѣ, ея вкусъ нѣжнѣе. Послѣ обѣда мы сдѣлали живописное путешествіе по Кронштадту; къ вечеру мы снова усѣлись на суда для возвращенія въ Петергофъ. Правильное движеніе судна успокоиваетъ и убаюкиваетъ. Это его почти общее дѣйствіе на всѣхъ тѣхъ, кто не страдаетъ морскою болѣзнью. Великая княгиня оперлась головой о мое плечо и заснула. Великій князь стоялъ у руля, всѣ дамы немного ослабѣли, фрейлина княжна Голицына, теперь

---

[1]) Наиболѣе почетное обращеніе въ народѣ. Прим. В. Н. Головиной.

[2]) Петръ Ивановичъ, адмиралъ, начальникъ балтійскаго корабельнаго флота, р. 1743 г., ум. 1812 г.

[3]) Алексѣй Васильевичъ Мусинъ-Пушкинъ, вице-адмиралъ въ 1788—1796 г.

графиня Сенъ-При, старалась побѣдить свой сонъ, дѣлая смѣшныя гримасы, открывая то одинъ глазъ, то другой. Графъ Салтыковъ украдкой взглядывалъ съ принужденной улыбкой на великую княгиню, опиравшуюся на меня. Я была счастлива ношей, которую несла, и не промѣняла бы свое положеніе ни на чье. Рано поужинали, чтобы воспользоваться утромъ слѣдующаго дня. Только что проснувшись, великая кнгиня пришла ко мнѣ и застала меня и графиню Толстую въ полномъ дезабилье. Эти минуты свободы причиняютъ самое большое удовольствіе высочайшимъ особамъ. Они довольны покинуть на минуту ихъ величіе. Судьба великой княгини должна была привести ее къ трону, но въ 16 лѣтъ это можно забыть. Она далеко не предвидѣла, что черезъ немного лѣтъ она будетъ находиться на сценѣ, приковывающей всѣ взгляды, гдѣ мечты надо прикрывать величіемъ и достоинствомъ, оправдать уваженіе, не переступая черты, которая отдѣляла ее отъ подданныхъ. Великая княгиня велѣла мнѣ идти съ ней завтракать,—госпожа Геслеръ сдѣлала намъ прекрасныя тартинки, великій князь пришелъ ихъ попробовать. Мы читали нѣкоторое время, потомъ гуляли втроемъ, великая княгиня, графиня Толстая и я. Поздно послѣ обѣда мы покинули Петергофъ, всѣ восхищенные нашимъ маленькимъ путешествіемъ.

Новое пріобрѣтеніе Польши послѣ послѣдняго раздѣла привело въ движеніе алчность и корыстолюбіе придворныхъ: уста раскрывались для просьбъ, карманы для получекъ. Зубовъ скромно желалъ получить староство, которое императрица предполагала пожаловать принцу Конде; результатомъ этой нескромности былъ отказъ, придавшій ему сердитый видъ, хотя не надолго. Власть и справедливость принудили его подчиниться этому рѣшенію и смягчить свое недовольство. Это самое староство просилъ у императора Павла графъ Шуазель-Гуфье [1]); онъ бы его неминуемо получилъ, если бы государь не говорилъ объ этомъ съ княземъ Безбородко, который показалъ ему всю важность этого имѣнія. Шуазель-Гуфье удалился со своимъ благодушнымъ видомъ, получивъ менѣе значительную землю. Я никогда не видѣла человѣка, столь обладавшаго даромъ плакать, какъ Шуазель. Я помню еще его представленіе въ Царскомъ Селѣ; при каждомъ словѣ императрицы, обращенномъ къ нему, его глаза мигали и наполнялись слезами. Сидя за столомъ напротивъ императрицы, онъ не спускалъ съ нея глазъ; его умиленный, покорный и почтительный видъ не могъ скрыть вполнѣ сущность обмана такой мелкой души. Несмотря на свой умъ, Шуазель не могъ оду-

---

[1]) Извѣстный французскій эмигрантъ, бывшій французскій посланникъ въ Константинополѣ, затѣмъ русскій тайн. сов., директоръ академіи художествъ, наконецъ перъ Франціи, графъ Огюстъ-Лоранъ (Гавріилъ Августовичъ) Шуазель-Гуфье (р. 1752 г., ум. 1817 г.), писатель. Живя въ Россіи, покровительствовалъ эмигрантамъ и іезуитамъ.

рачить людей; даже его «Живописное путешествіе по Греціи»—есть пустой плодъ тщеславія, который можетъ только сдѣлать ничтожными, въ глазахъ читателя, памятники античнаго искусства.

Однажды вечеромъ, во время прогулки, ея величество повела насъ къ озеру, сѣла на скамейку и, приказавъ мнѣ помѣститься возлѣ нея, поручила ихъ императорскимъ высочествамъ бросать хлѣбъ лебедямъ, привыкшимъ къ этому обѣду. Весь дворъ вмѣшался въ это удовольствіе; въ это время императрица мнѣ разсказывала о тоахе—видъ американской кошки, которой всѣ боялись и которая была къ ней очень привязана. «Представьте себѣ,—сказала она,—несправедливость, которую вчера сдѣлали (я была больна наканунѣ и не была при дворѣ): когда были на колоннадѣ, бѣдная кошка вскочила на плечо великой княгини Елисаветы и хотѣла ее ласкать; она ее оттолкнула вѣеромъ, это движеніе вызвало неосмотрительное рвеніе, и бѣдное животное было позорно изгнано, я съ тѣхъ поръ ея не видѣла». Едва ея величество сказала эти слова, кошка появилась за нами на спинкѣ скамьи. Къ несчастью, на мнѣ была шляпа, похожая на ту, которую великая княгиня носила наканунѣ, она меня приняла за нее. Но, обнюхавъ мое лицо и замѣтивъ неудовольствіе, она вонзила свои когти къ мою верхнюю губу и схватила мою щеку своими зубами. Императрица вскрикнула, называя меня порусски самыми нѣжными именами, кровь текла изъ моей губы, что̀ увеличивало ея ужасъ. Я умоляла ее ничего не бояться, одной рукой я схватила морду моего врага, другою взяла его за хвостъ и передала камеръ-пажу, позванному императрицей мнѣ на помощь. Она высказала безконечное удовольствіе за мое безстрашіе, сказала мнѣ очень много слишкомъ похвальнаго для такого маленькаго доказательства храбрости, вытерла мою кровь своимъ платкомъ, повторяя, какъ она любитъ видѣть меня безъ истерики и жеманства. Бѣдная кошка была посажена въ желѣзную клѣтку и отправлена въ городъ, въ Эрмитажъ, и больше ея не видѣли.

Въ то же лѣто случилась довольно оригинальная исторія. По разрѣшенію, данному императрицей камеръ-юнкерамъ оставаться въ Царскомъ Селѣ, сколько имъ хочется, они забросили свою службу въ Павловскѣ возлѣ великаго князя Павла, слѣдствіемъ чего было то, что г. Растопчинъ, который находился, не имѣя смѣны, долженъ былъ оставаться все время безъ смѣны. Выведенный изъ терпѣнія этимъ видомъ ссылки, онъ рѣшился написать циркуляръ, очень колкій и имѣвшій видъ вызова его товарищамъ. Это письмо было составлено такимъ образомъ, что дѣлало каждаго смѣшнымъ изъ-за подробностей причины ихъ нерадѣнія; оно разгнѣвало всѣхъ этихъ господъ, пожелавшихъ драться съ Растопчинымъ, принявшимъ ихъ вызовъ и просившимъ моего мужа быть его секундантомъ. Князь Михаилъ Голицынъ и графъ Шуваловъ [1]) должны были явиться

[1]) Гр. Павелъ Андреевичъ (р. 1777 г., ум. 1823 г.).

первыми; имъ назначили мѣсто для свиданія; но они высказали такое философское отношеніе, что мой мужъ, воспользовавшись ихъ миролюбивымъ настроеніемъ, покончилъ дѣло полюбовно. Также пытались успокоить князя Барятинскаго, брата графини Толстой[1]). Эта исторія дошла до ушей императрицы, которая, чтобы показать примѣръ, выслала Растопчина съ женой въ его имѣніе. Онъ женился за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ на второй племянницѣ Протасовой. Эта высылка причинила много огорченія великому князю Александру и великой княгинѣ Елисаветѣ, которые ее любили. Мы были смертельно опечалены и грустны; императрица проводила вечера внутри колоннады. Она замѣтила наши удлиннившіяся лица и сказала графу Строганову, бывшему возлѣ нея. «У нихъ такой видъ, будто они думаютъ, что Растопчинъ потерянъ для жизни». Она отослала князя Барятинскаго въ Варшаву къ Суворову. Война еще продолжалась, онъ вернулся по окончаніи этой кампаніи, за которой слѣдовалъ миръ. Растопчинъ былъ возвращенъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Эта ссылка доставила ему милость великаго князя Павла, который съ этихъ поръ смотрѣлъ на него, какъ на человѣка, преслѣдуемаго за него.

Лѣто было особенно прекрасно въ этотъ годъ, но тѣмъ не менѣе моментъ переѣзда изъ Царскаго Села приближался. Я замѣчала его приближеніе съ сожалѣніемъ; уже наступило 10-е августа; ночи, хотя и немного темныя, были тихи и спокойны. Великая княгиня предложила мнѣ погулять послѣ вечера у императрицы. Я согласилась подъ условіемъ, что великій князь и мой мужъ будутъ съ нами. Мы условились, что я съ мужемъ буду ихъ ждать въ большой закрытой со всѣхъ сторонъ аллеѣ, и что, перемѣнивъ платье, она подойдетъ къ намъ съ великимъ княземъ. Она подошла черезъ четверть часа, подъ руку съ нимъ. На ней былъ синій казимировый рединготъ и черная касторовая шляпа. Мы обѣ усѣлись на скамейку. Великій князь пошелъ съ моимъ мужемъ до конца аллеи. Тишина окружала насъ и дѣлала болѣе ощутительной таинственную безпредѣльность ночного мрака. Даже при отсутствіи вѣтра, въ воздухѣ чувствуется нѣкоторое колебаніе, которое дѣлаетъ природу какъ бы внимающей нашимъ горестямъ и удовольствіямъ. Мы хранили молчаніе: оно было знакомъ взаимнаго довѣрія, основаннаго на дружескихъ чувствахъ и полнаго прелести. Ищешь другъ друга, желаешь быть вмѣстѣ, молчишь, чувствуешь себя счастливымъ, — это первое проявленіе сердечной жизни и, несмотря на всю ея пылкость, немногаго нужно, чтобы ее удовлетворить. Великая княгиня нарушила молчаніе, чтобы выразить съ живостью мнѣ то, что въ ней происходило; казалось, ей было недостаточно словъ, какъ вдругъ поднявшійся вѣтерокъ

---

[1]) Кн. Иванъ Ивановичъ (ум. 1830 г.), впослѣдствіи посолъ въ Мюнхенѣ агрономъ.

нагнулъ вѣтви деревьевъ къ нашимъ головамъ. «Боже мой, я благодарю природу за ея единеніе со мной»,—воскликнула она. Я ее взяла подъ руку и предложила пойти навстрѣчу возвращавшемуся великому князю. Онъ намъ сказалъ, чтобы мы пошли ожидать его въ ротондѣ, возлѣ розоваго цвѣтника, а онъ съ моимъ мужемъ пойдетъ къ развалинамъ [1]) посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ воровъ. Великая княгиня была очень довольна снова остаться со мной наединѣ, и мы вошли въ эту открытую со всѣхъ сторонъ ротонду. Куполъ поддерживается колоннами, кругомъ идетъ скамейка, на которую мы сѣли, великая княгиня прислонилась ко мнѣ и продолжала свой разсказъ. Моя душа съ жадностью воспринимала слова, выходившія изъ ея устъ. Пусть она узнаетъ, что устамъ такого чистаго и молодого сердца доступны такія прекрасныя и глубокія впечатлѣнія. Я никогда не замѣчала въ великой княгинѣ ни мелочности въ мысляхъ, ни обыденныхъ чувствъ, составляющихъ болѣе или менѣе суть жизни, извѣстную всему свѣту и которую можно отгадать напередъ. Если бы ея душа и ея сердце могли дойти до того, кто долженъ бы былъ ее понять, сколько бы добродѣтелей и граціи можно было узнать даже прежде, чѣмъ наступило для нея время бѣдствій и скорбей. Но, никогда не понятая, всегда непризнанная и отталкиваемая, она съ самой благородной душей, съ чувствительнымъ сердцемъ, съ самымъ живымъ и возвышеннымъ воображеніемъ была обречена на самыя страшныя жертвы. Никто не испыталъ столькихъ опасностей, сколько она. Но, тѣмъ не менѣе, ея душа болѣе сильнѣе, чѣмъ ея страсти, разорвала темные покровы, скрывавшіе истину; она проявила тотъ чистый свѣтъ, который сіяетъ даже во мракѣ, тотъ факелъ, котораго ни бури, ни грозы, не въ силахъ затушить, и который находится въ глубинѣ насъ самихъ. Но вернемся въ ротонду: 11 часовъ пробило на часахъ, съ нѣкоторыхъ поръ ночь становилась темнѣе, было поздно. Великій князь не возвращался за нами, и, несмотря на прелесть рѣчи моего божества и желаніе оставаться съ ней, я была удручена боязнью быть застигнутой какимъ либо пьяницей или нескромнымъ человѣкомъ. Наконецъ, великій князь пришелъ, мы пошли домой, поужинали и разстались позже обыкновеннаго.

На другой день я пошла очень рано гулять въ англійскій садъ. Я приказала моему арабу принести камеръ-обскуру, подаренную мнѣ императрицей. Я поставила ее напротивъ колоннады по другую сторону озера, чтобы срисовать этотъ прекрасный видъ. Такъ какъ озеро было широко, то я находилась на очень выгодномъ для перспективы разстояніи. Эта камеръ-обскура очень удобна и велика, въ нее можно войти до пояса и хорошо опереться руками. Я стала

---

[1]) Зданіе съ башней въ концѣ сада. Прим. гр. В. Н. Головиной.

работать; въ это время графиня Браницкая прошла по другой сторонѣ озера. Она замѣтила мой приборъ; не отдавая себѣ отчета въ томъ, что она видитъ, она остановилась, чтобы разсмотрѣть эту четырехугольную массу и зеленую занавѣсь, падающую до земли, и спросила своего лакея, что, по его мнѣнію, это можетъ быть; этотъ же, глупый и смѣлый, отвѣтилъ, не задумавшись: «Это госпожа Эстергази даетъ себя электризовать». Графиня обошла озеро, дошла до меня и разсказала мнѣ глупую выдумку своего лакея. Мы обѣ много смѣялись ей; она сообщила объ этомъ императрицѣ, которую это очень позабавило.

Однажды вечеромъ, великій князь попросилъ разрѣшенія у императрицы остаться дома. Позвали Дица и трехъ другихъ лучшихъ музыкантовъ для исполненія квартетовъ. Когда этотъ маленькій концертъ кончился, великая княгиня велѣла мнѣ сопровождать ее во внутренніе покои. «Давно уже, — сказала она мнѣ,—я вамъ хотѣла показать тотъ дневникъ, который я хочу послать моей матери, при первой вѣрной оказіи. Я не хочу его отправить, не показавъ вамъ и не подвергнувъ его вашей критикѣ. Останьтесь здѣсь (мы были въ ея спальнѣ), я вамъ его принесу, и вы будете судить съ вашей обычной искренностью». Она вернулась, мы сѣли возлѣ камина, я прочла тетрадь и бросила ее въ огонь. Первое движеніе великой княгини, полное живости, смѣнилось удивленіемъ. «Что вы дѣлаете?»—спросила она нетерпѣливо. «То, что я должна, ваше высочество; въ этой рукописи—полный граціи слогъ и непринужденное довѣріе дочери къ матери; но, прочтя ее въ 800 лье отъ васъ, принцесса ваша мать вынесетъ изъ нея только безпокойство, и какъ сможете вы ее успокоить? Вы бросите въ ея душу смятеніе, мученіе; большая разница говорить или писать. Одного слова достаточно, чтобы смутить любящее насъ сердце». Великая княгиня уступила съ трогательной граціей и сказала мнѣ многое, глубоко тронувшее мое сердце.

Эта тетрадь была отпечаткомъ души, которая жаждала вылиться цѣликомъ передъ любимой матерью, но въ то же время преувеличивала опасности, благодаря благородной скромности и недовѣрію къ себѣ самой; ея слогъ уже носилъ отпечатокъ ея занятій. Исторія всегда была ея любимымъ чтеніемъ, наука о человѣческой душѣ научила ее познавать себя и судить себя; благородство ея души вмѣстѣ съ ея принципами располагало ее къ снисходительности къ другимъ и къ большой строгости къ самой себѣ.

Одной изъ причинъ, побудившихъ меня къ уничтоженію этой рукописи, было желаніе, чтобы великая княгиня ея не перечитывала: она нуждалась въ поддержкѣ противъ этого трогательнаго недовѣрія къ своимъ силамъ, которое могло довести ее до унынія.

VIII.

Отъѣздъ двора изъ Царскаго Села лѣтомъ 1795 г.—Болѣзнь великой княгини Елисаветы.—Графиня Шенбургъ.—Болѣзнь графини Головиной.—Пріѣздъ принцессъ Кобургскихъ.—Принцесса Юлія.—Неудовольствіе императрицы великой княгиней Елисаветой Алексѣевной.—Помолвка великаго князя Константина Павловича съ принцесой Юліей и бракосочетаніе ихъ.—Великая княгиня Анна Ѳеодоровна.—Князья Адамъ и Константинъ Чарторижскіе.

Императрица никогда заранѣе не объявляла о своемъ отъѣздѣ изъ Царскаго Села и уѣзжала всегда тогда, когда этого ожидали меньше всего, и это вызывало недоразумѣнія, очень тѣшившія императрицу. Однажды, пришли сказать, что императрица выѣзжаетъ въ каретѣ; это причинило безпокойство всѣмъ, имѣвшимъ честь возвращаться въ ея каретѣ изъ Царскаго Села въ городъ. Графъ Штакельбергъ былъ особенно заинтересованъ этимъ извѣстіемъ; первымъ его дѣломъ было приказать своему камердинеру уложить его вещи. Ея величество сѣла въ шестимѣстную карету и пригласила сѣсть съ собой меня, Протасову, Зубова, генералъ-адъютанта Пассека и графа Штакельберга. Императрица велѣла кучеру ѣхать, и онъ повезъ насъ сначала, какъ обыкновенно, на прогулку, а затѣмъ повернулъ по дорогѣ въ городъ. Графъ Штакельбергъ сдѣлалъ знакъ Пассеку, что онъ не ошибся, что онъ увѣренъ въ томъ, что догадался объ отъѣздѣ, но въ эту самую минуту кучеръ оставилъ большую дорогу и вернулся въ лѣсъ. Лѣсные аллеи и повороты совершенно сбили съ толку графа Штакельберга, онъ не зналъ, что и думать. Мое присутствіе должно бы было его разубѣдить, потому что я никогда не возвращалась въ городъ съ ея величествомъ. Спокойно вернулись во дворецъ, гдѣ графъ не засталъ своего камердинера, уѣхавшаго со всѣми вещами въ городъ. Пришлось за нимъ посылать, что̀ вызвало сильное смущеніе графа, очень позабавившее императрицу и все общество. Императрица удалилась. Такъ какъ было уже поздно, а я сопровождала ихъ высочества въ ихъ аппартаменты, гдѣ оставалась до 11 часовъ. Около полуночи я собиралась лечь, какъ мнѣ принесли записку отъ великой княгини, просившей меня отъ своего имени и отъ имени великаго князя какъ можно скорѣе явиться къ нимъ, такъ какъ имъ нужно мнѣ сообщить нѣчто. Я приказала своему арабу провожать меня съ фонаремъ: ночь была теплая и темная; я перешла черезъ большой дворъ и дворцовые коридоры—глубокое молчаніе царствовало повсюду. Только часовые кричали: кто идетъ? Я походила на странствующее привидѣніе. Проходя по террасѣ передъ маленькой лѣстницей ея величества, я увидѣла находившійся тамъ пикетъ. Офицеръ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. Я подошла къ маленькому входу, какъ мнѣ было приказано, и встрѣтила тамъ ка-

мердинера великой княгини, проведшаго меня въ ея кабинетъ. Минуту спустя, она вошла съ великимъ княземъ; она была въ платьѣ и ночномъ чепчикѣ, великій князь въ сюртукѣ и туфляхъ. Они спросили моихъ совѣтовъ о неважныхъ вещахъ, что они могли бы отложить и на другой день. Они этимъ избавили бы меня отъ намековъ и догадокъ моихъ надсмотрщиковъ. Съ тѣхъ поръ больше, чѣмъ когда либо, я стала считаться интриганкой и скрытной, но великій князь настаивалъ тогда, что я одна могу разрѣшить ихъ споръ. Когда согласіе между ними было возстановлено, и я ихъ оставила, былъ уже часъ ночи.

Черезъ нѣсколько дней, утромъ, императрица оставила Царское Село; мы были на лугу за рѣшеткой и видѣли, какъ она проѣзжала. Ихъ императорскія высочества оставались еще сутки въ Царскомъ Селѣ, я сопровождала ихъ въ городъ. Этотъ отъѣздъ императрицы огорчилъ всѣхъ угольщиковъ, водоносовъ; всѣ жители Царскаго Села плакали и бѣжали за ея каретой.

Черезъ нѣкоторое время послѣ возвращенія въ городъ, великая княгиня захворала лихорадкой, и, къ увеличенію моего безпокойства, мой мужъ очень серьозно заболѣлъ. Великій князь навѣщалъ его почти каждое утро. Въ 4 часа я ему давала завтракъ и отправлялась въ Таврическій дворецъ, чтобы оставаться тамъ до ночи съ великой княгиней. Однажды вечеромъ, я застала ее болѣе утомленной, чѣмъ обыкновенно, но она превозмогала себя, боясь, что я уйду, если она заснетъ. Я умоляла ее лечь на кушетку и заснуть, обѣщая ей не уходить. Она согласилась, но съ условіемъ, чтобъ я сѣла рядомъ съ ней, такъ что она могла бы проснуться, если я захотѣла бы встать. Я съ удовольствіемъ смотрѣла, какъ она спитъ; ея сонъ былъ спокоенъ, и я радовалась ея покою и отдыху. Я сожалѣю тѣхъ, которые не испытали столь чувствительныхъ и чистыхъ минутъ нѣжности, этого нѣжнаго чувства, которымъ наслаждаешься молча, и которымъ нельзя пресытиться. Оно призываетъ душу, а нѣжныя заботы и постоянное попеченіе увеличиваютъ его чувствительность. Я осмѣливаюсь сказать, что всегда чувствовала материнскую привязанность къ великой княгинѣ; постоянная ея дружба и милости ко мнѣ увеличивали эту привязанность. Я не испытывала ни сомнѣній, ни недовѣрія, не встрѣчала препятствій; наши постоянныя сношенія придавали простой и естественный ходъ нашей дружбѣ.

Я невольно возвращаюсь къ этому предмету, когда пробую писать свои воспоминанія. Для меня самыми чувствительными и самыми глубокими являются тѣ, которыя касаются великой княгини. Это самое замѣчательное время моей жизни, и оно имѣло вліяніе на все мое послѣдующее существованіе. Сцена скоро измѣняется, новые актеры скоро появятся на ней, непредвидѣнныя обстоятельства и одно мрачное событіе переполнятъ чашу моихъ

страданій. Я останусь одна съ моимъ сердцемъ, и я хотѣла бы быть одной въ моемъ описаніи.

Когда великая княгиня и мой мужъ поправились, я вернулась къ своему обычному образу жизни. Говорили о прибытіи герцогини Кобургской съ ея дочерьми-принцессами и о бракѣ великаго князя Константина. Было нѣсколько баловъ въ Таврическомъ дворцѣ.

Дворъ переѣхалъ въ Зимній дворецъ; несмотря на то, что мнѣ еще далеко было до разрѣшенія отъ бремени, я себя чувствовала нехорошо, и доктора приказали мнѣ не выходить изъ дому: это было необходимою предосторожностью. Графиня Толстая была также беременна и должна была родить раньше меня; у нея родился сынъ и, несмотря на свое нездоровье, я ухаживала за ней нѣкоторое время. Поправившись, она переѣхала ко мнѣ на три недѣли, чтобы присутствовать при моихъ родахъ, которые были очень счастливы и совершились 22-го ноября. Я родила дочь, которую имѣла счастье выростить. Я не могу обойти молчаніемъ мою дружбу съ прелестной женщиной-графиней Шенбургъ, дочерью Сиверса. Годъ тому назадъ она пріѣхала съ своей матерью изъ Дрездена. Графиня Толстая познакомилась съ ней во время своего путешествія. Я ее видѣла, когда ей было 14 лѣтъ, во время ея короткаго пребыванія въ Петербургѣ. Ея мать хорошо знала мою и привезла ко мнѣ свою дочь. Съ первой минуты нашего знакомства графиня Шенбургъ почувствовала ко мнѣ сильное влеченіе, о чемъ она мнѣ часто разсказывала впослѣдствіи. По своему уму, душѣ и чистотѣ сердца это было рѣдкое существо. Она прекрасно знала языки и музыку и артистически рисовала; была чувствительна, пламенна и обладала прямодушіемъ честнаго человѣка. Она дѣлила свою жизнь между мной и графиней Толстой, умѣряя дружбу, которую питала ко мнѣ, чтобы не огорчить графиню Толстую. Можно сказать о ней, что основой ея сердца была тонкая деликатность. Она ухаживала за мной во время моихъ родовъ. Я была счастлива, какъ только можно, въ это время: мой мужъ и обѣ подруги не оставляли меня, великая княгиня высказывала искреннее участіе и часто писала мнѣ. Моя маленькая дочка прекрасно себя чувствовала, и это спокойствіе и увѣренность въ счастьи укрѣпляли мои силы. Черезъ мѣсяцъ послѣ моихъ родовъ, графиня Толстая, будучи со мной наединѣ, сказала мнѣ: «Уже два дня, какъ великая княгиня посылала къ вамъ; я отправлюсь сейчасъ къ ней, чтобы разсказать ей, какъ вы себя чувствуете, о вашемъ здоровьи и узнать о ея здоровьи». Черезъ четверть часа мнѣ принесли отъ великой княгини записку, полную нѣжности и любви. Я отвѣтила со всей силой моей привязанности, и только что мой отвѣтъ былъ отосланъ, какъ вернулась крайне недовольная графиня Толстая. «Это невѣроятно»,—сказала она,—«если бы не я заговорила о васъ, великая княгиня даже не спро-

сила бы меня, какъ вы себя чувствуете». Я улыбнулась и показала ей записку, ставшую для меня дороже всѣхъ сокровищъ. Графиня Толстая не могла оправиться отъ своего изумленія. Сильно чувствующій человѣкъ находитъ откликъ въ любящемъ его сердцѣ. Великой княгинѣ не нужно было говорить обо мнѣ: ей было достаточно подумать обо мнѣ, чтобы знать, что я ей отвѣчу. Такъ какъ я явилась ко двору только въ январѣ, то не была свидѣтельницей ни прибытія въ октябрѣ Кобургскихъ принцессъ, ни ихъ отъѣзда черезъ 5 недѣль, ни мvропомазанія и обрученія принцессы Юліи съ великимъ княземъ Константиномъ; но лицо, заслуживающее довѣрія и видѣвшее все это, мнѣ разсказало всѣ подробности, которыя я и помѣщаю здѣсь.

Герцогиня Кобургская прибыла въ Петербургъ съ тремя дочерьми: принцессой Софіей, принцессой Антуанеттой, вышедшей впослѣдствіи замужъ за принца Александра Виртембергскаго и большую часть своей жизни проведшей въ Россіи, и принцессой Юліей [1]). Онѣ появились впервые на концертѣ въ Эрмитажѣ. Императрица и дворъ собрались тамъ заранѣе, любопытство было такъ велико, что придворные столпились у дверей, въ которыя должны были войти иностранныя принцессы. Наконецъ, онѣ прибыли, и замѣшательство, испытанное бѣдной герцогиней, очутившейся при самомъ большомъ и блестящемъ изъ европейскихъ дворовъ, не могло сдѣлать болѣе благороднымъ ея мало изящный видъ. Ея три дочери были также сильно смущены, но все же болѣе или менѣе владѣли собой. Достаточно часто одной нѣжной молодости, чтобы внушить интересъ. Между тѣмъ, смущеніе скоро прошло, въ особенности у младшей, которая черезъ два дня послѣ перваго знакомства на балу въ Эрмитажѣ подошла къ великой княгинѣ Елисаветѣ, взяла ее за кончикъ уха и шепнула понѣмецки ласково «душенька». Эта наивность удивила и доставила удовольствіе великой княгинѣ; вообще пріѣздъ и пребываніе этихъ принцессъ доставили ей пріятныя минуты. Она слишкомъ недавно покинула свою родину и свою семью, чтобы не сильно скучать еще по ней, и, хотя въ новоприбывшихъ ничто ей не напоминало родныхъ, но тѣмъ не менѣе она могла говорить о массѣ мелочей, о которыхъ можно бесѣдовать только съ соотечественниками и услышать выраженія, напоминающія ея дѣтство. Во время пребыванія принцессъ Кобургскихъ было много праздниковъ и баловъ, между прочимъ большой маскарадный балъ при дворѣ, замѣчательный для великой княгини Елисаветы тѣмъ, что первый разъ далъ возможность императрицѣ высказать ей свое неудовольствіе. Извѣстная госпожа Лебренъ [2]) недавно только пріѣхала

---

[1]) Род. 23-го сентября 1781 г.

[2]) Лебренъ, Елисавета-Луиза, урожд. Виже, знаменитая французская портретистка (1755—1842)—провела въ Россіи шесть лѣтъ, съ 1795 г. по 1801 г. Въ это время

въ Петербургъ; ея платья и модныя картины произвели переворотъ въ модахъ; утвердился вкусъ къ античному; графиня Шувалова, способная на юношеское увлеченіе всѣмъ новымъ и заморскимъ, предложила великой княгини Елисаветѣ заказать себѣ у Лебренъ платье для маскараднаго бала. Великая княгиня необдуманно охотно согласилась, не думая, понравится или не понравится это императрицѣ, и разсчитывая, что графиня Шувалова не можетъ ей предложить то, что можетъ не нравиться ея величеству. Платье, задуманное и сшитое Лебренъ, было готово. Великая княгиня отправилась на балъ очень довольная, думая только о похвалахъ, которыя вызоветъ ея платье. Лица, не принадлежавшія къ большому двору, являлись на подобные балы, въ какое угодно было время; поэтому великій князь Александръ съ супругой долгое время уже тамъ находились, когда въ одной изъ залъ встрѣтились въ первый разъ съ императрицей. Великая княгиня Елисавета подошла къ ней, чтобы поцѣловать ея руку, но императрица молча на нее посмотрѣла и не дала ей поцѣловать руку, что̀ поразило и огорчило великую княгиню. Она скоро догадалась о причинѣ этой суровости и очень сожалѣла о томъ легкомысліи, съ которымъ рѣшилась заплатить дань модному увлеченію. На другой день императрица сказала графу Салтыкову, что она была очень недовольна туалетомъ великой княгини Елисаветы, и два или три дня относилась къ ней холодно.

«Императрица чувствовала отвращеніе ко всему, что носило печать преувеличенія и претензіи, и высказывала это при всякомъ случаѣ; понятно, что ей было непріятно замѣтить признаки этихъ двухъ недостатковъ въ своей внучкѣ, которую она любила и которая должна была, по ея желанію, служить примѣромъ для всѣхъ во всѣхъ отношеніяхъ.

«Герцогиня Кобургская не сумѣла пріобрѣсти расположенія императрицы; ея величество рѣдко видѣла ее въ своемъ близкомъ кругу; черезъ три недѣли принудили великаго князя Константина сдѣлать выборъ.

«Мнѣ кажется, что онъ предпочиталъ уклониться отъ выбора, ибо совершенно не желалъ жениться, но наконецъ остановился на принцессѣ Юліи. Эта бѣдная молодая принцесса не казалась очень польщенной предстоящей ей участью; едва сдѣлавшись невѣстой великаго князя Константина, она подверглась его грубостямъ и въ то же время нѣжностямъ, которыя одинаково были оскорбительны. Спустя 8 или 10 дней послѣ помолвки великаго князя Константина, гер-

---

она написала массу портретовъ, въ томъ числѣ портреты членовъ императорской фамиліи, и избрана была въ почетные вольные общники нашей академіи художествъ. О жизни своей и о пребываніи въ Россіи Лебренъ оставила любопытныя записки.

цогиня Кобургская уѣхала съ двумя старшими дочерьми, такъ что ея пребываніе въ общемъ длилось не больше 4—5 недѣль.

«Принцесса Юлія была отдана подъ опеку госпожѣ Ливенъ [1]), главной воспитательницѣ молодыхъ великихъ княженъ. Она брала часть уроковъ вмѣстѣ съ ними, съ ней обращались строго, къ чему она до сихъ поръ не привыкла. Она утѣшалась въ этомъ временномъ стѣсненіи въ обществѣ великаго князя Александра и великой княгини Елисаветы. Послѣдняя проводила съ ней все время, которое она могла ей отдать, и между этими двумя молодыми принцессами образовалась вполнѣ естественная дружба. Великій князь Константинъ являлся завтракать къ своей невѣстѣ зимою въ 6 часовъ утра. Онъ приносилъ съ собой барабанъ, трубы, и заставлялъ ее играть на клавесинѣ военные марши, аккомпанируя этими двумя шумными инструментами. Это было единственнымъ выраженіемъ его любви къ ней. Онъ ей ломалъ иногда руки, кусалъ ее, но это было только предисловіе къ тому, что ожидало ее послѣ замужества.

Въ январѣ, я вернулась ко двору и была представлена принцессѣ Юліи. Ея свадьба съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ была въ февралѣ 1796 года. Ее назвали великой княгиней Анной Ѳеодоровной. Въ день свадьбы былъ парадный балъ и городъ былъ иллюминованъ [2]). Ее повезли въ Мраморный дворецъ, расположенный вблизи Зимняго дворца, на набережной Невы. Императрица дала этотъ дворецъ великому князю Константину. Ожидали, что для него устроятъ Шепелевскій дворецъ, примыкавшій къ Зимнему; но его поведеніе, когда онъ почувствовалъ себя хозяиномъ у себя дома, показало, какъ онъ еще нуждается въ суровомъ присмотрѣ. Между прочимъ, черезъ нѣкоторое время послѣ своей женитьбы, онъ забавлялся въ манежѣ Мраморнаго дворца стрѣльбой изъ пушки, заряженной живыми крысами. Поэтому императрица, вернувшись въ Зимній дворецъ, помѣстила его въ аппартаментѣ со стороны Эрмитажа.

Великая княгиня Анна была довольно красива, но неграціозна, невоспитанна, романтична, что̀ было очень опасно при полномъ отсутствіи принциповъ и образованія. Несмотря на доброе сердце

---

[1]) Шарлотта Карловна Ливенъ, впослѣдствіи свѣтлѣйшая княгиня (р. 1742 г., † 1828 г.), воспитательница великихъ княженъ, дочерей императора Павла и императрицы Маріи Ѳеодоровны, держала себя, повидимому, всегда въ сторонѣ отъ дѣлъ, но въ дѣйствительности во многомъ руководила императрицей Маріей и была главной опорой нѣмецкой партіи при дворѣ. Написала записки о своей жизни, но сожгла ихъ предъ смертію. Шарлотта Карловна отличалась умомъ и твердымъ, послѣдовательнымъ образомъ дѣйствій, пользуясь въ теченіе долгой своей жизни неизмѣннымъ расположеніемъ и уваженіемъ четырехъ императрицъ и трехъ императоровъ.

[2]) Свадьба совершилась 15-го февраля 1796 г.; великому князю Константину въ это время не было еще и 17 лѣтъ.

и природный умъ, она подвергалась опасностямъ, ибо не обладала ни одной изъ тѣхъ добродѣтелей, которыя побѣждаютъ слабости. Жестокое обращеніе великаго князя Константина способствовало ея заблужденіямъ. Она стала подругой великой княгини Елисаветы, которая была способна возвысить ея душу, но обстоятельства, все болѣе и болѣе тяжелыя, ежедневныя событія едва давали послѣдней возможность прійти въ себя.

Я должна была раньше сказать о пріѣздѣ друхъ братьевъ князей Чарторижскихъ [1]). Они, къ несчастью, играли слишкомъ замѣтную роль, чтобы не упомянуть о нихъ въ моихъ запискахъ. Они часто бывали у меня. Старшій ограниченъ и молчаливъ, онъ выдѣляется своимъ серьезнымъ лицомъ и выразительными глазами; это—лицо, способное возбудить страсть. Младшій живой, оживленный, онъ очень напоминаетъ француза. Великій князь Александръ сначала очень привязался къ нимъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ихъ пріѣзда они были назначены камеръ-юнкерами. Императрица ихъ отличала изъ-за ихъ отца, замѣтнаго человѣка въ его отечествѣ. Полякъ въ душѣ, онъ не могъ хорошо относиться къ намъ. Ея величество хотѣла покорить его, обходясь хорошо съ его дѣтьми.

Дворъ переѣхалъ въ Царское Село. Великія княгини сближались все больше и больше. Ихъ дружба ничѣмъ еще не отражалась на отношеніяхъ великой княгини Елисаветы ко мнѣ; напротивъ, она даже желала, чтобы ея невѣстка подружилась со мной, но это было невозможно. Характеръ великаго князя Константина не позволялъ мнѣ сблизиться съ его женой, а полнѣйшая противоположность,

---

[1]) Князья Адамъ и Константинъ Чарторижскіе—сыновья князя Адама Чарторижскаго, бывшаго главою партіи въ Польшѣ, не сочувствовавшей Россіи. Послѣ третьяго раздѣла Польши, по повелѣнію императрицы Екатерины, имѣнія князя Адама были секвестрованы, и онъ тогда послалъ своихъ сыновей ко двору въ Петербургъ смягчить государыню и ходатайствовать о снятіи секвестра. Оба молодые Чарторижскіе были плодомъ связи матери ихъ Изабеллы съ кн. Н. В. Репнинымъ, который, будучи русскимъ посломъ въ Варшавѣ, въ началѣ царствованія Екатерины, повелѣвалъ Польшей и служилъ предметомъ заискиваній со стороны патріотовъ и патріотокъ. Старшій изъ братьевъ, кн. Адамъ, человѣкъ умный, образованный, но пронырливый и честолюбивый, вкрался въ довѣріе великаго князя Александра Павловича, обворожилъ его своими лицемѣрными рѣчами и принесъ затѣмъ много горя ему лично и вреда Россіи, преслѣдуя постоянно личные свои интересы и возрожденіе старой Польши, отъ моря до моря, не брезгая для этого никакими средствами; въ особенности вредна была его дѣятельность, какъ попечителя Виленскаго учебнаго округа. Графиня Головина рисуетъ его, какъ фальшиваго человѣка, и фальшь эта подтверждается оставленными имъ «Записками», завѣдомо во многихъ случаяхъ лживыми. Когда императоръ Александръ послѣ 1806 г. узналъ его поближе, то Чарторижскій долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга, и съ тѣхъ поръ довѣріе къ нему императора пошатнулось навсегда. Кн. Адамъ былъ старше Александра Павловича на семь лѣтъ, и оттого ему легко было сначала управлять молодымъ 16-ти-лѣтнимъ великимъ княземъ. Род. 1770 г., ум. 1861 г.

которую я находила между ней и моимъ ангеломъ, великой княгиней Елисаветой, не могла меня поощрить къ этому.

Великій князь Александръ все тѣснѣе сближался съ князьями Чарторижскими и съ другомъ старшаго — молодымъ графомъ Строгоновымъ. Онъ не разставался съ ними. Общество окружавшихъ его молодыхъ людей привело его къ связямъ, достойнымъ осужденія. Князь Адамъ Чарторижскій, особенно поощренный дружбою великаго князя и приближенный къ великой княгинѣ Елисаветѣ, не могъ смотрѣть на нее, не испытывая чувства, которое начала нравственности, благодарность и уваженіе должны бы были погасить въ самомъ зародышѣ.

Графиня В. Головина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).